

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Владислав МОРОЗОВ

ОХОТНИК НА ВУНДЕРВАФФЕ

Военно-историческая фантастика

Владислав Морозов

Охотник на вундерваффе

«Махров»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Морозов В. Ю.

Охотник на вундерваффе / В. Ю. Морозов — «Махров»,
2018 — (Военно-историческая фантастика)

ISBN 978-5-04-093323-5

Если жизнь сложилась так, что ты, совершенно неожиданно для самого себя, прямо с реконструкторских «игрищ» попал в самое пекло Великой Отечественной войны, — гордись, что судьба выбрала именно тебя! Ставший старшиной-танкистом Андрей Черников понемногу осваивает нелегкую науку побеждать, в меру своих сил сокращая поголовье врагов. Однако вскоре выясняется, что по другую сторону фронта коптит небо мерзкий тип, который старается отдалить победу Красной Армии, снабжая врага высокотехнологичными образцами техники, называемой немцами «Вундерваффе» — чудо-оружие. К чему приведет дуэль двух «темповавтов»? Что окажется сильнее — мощь советских танковых армий или «всемогущество» единичных вражеских машин с запредельными характеристиками?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093323-5

© Морозов В. Ю., 2018
© Махров, 2018

Содержание

Лирическое отступление 1	6
Фронтальная тетрадь старшины Потерягина	28
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Владислав Морозов

Охотник на вундерваффе

© Морозов В.Ю., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Посвящается моему деду, Балабанову Семену Васильевичу, который в свое время, как и многие его современники, прошел с боями от окраин Москвы до Берлина, благодаря чему я и живу на свете.

*Настоящие войны начинаются вдруг.
Дракон. Из хф «Убить дракона»*

Лирическое отступление 1

Странноватая ночь. Наше время. 23 июня 20... года. Окрестности г. Краснобельска. Урал. Россия.

Господи, как же голова болит! И как же хреново-то...

Именно это было первым, что пришло мне на ум, когда где-то за пределами моих, судя по всему, закрытых глазных яблок возникло какое-то слабое свечение (прямо как у Трофима в известной песне, той, что про «Горько») – бедную черепушку словно медленно сверлили, причем со всех сторон сразу. И что самое печальное – в мозгах был полный «чистый лист». Нет, то есть свое имя и прочие глобальные вещи, вроде местонахождения, я, положим, помнил, но вот в, так сказать, «оперативном смысле» – увы... Где я сейчас, какой сегодня вообще месяц, день недели, и число, что я здесь делаю, что со мной было накануне? Блин, ведь ничего не помню... Кто-то говорил, что такое бывает при сотрясении мозга. Так, может, меня накануне со всей дури долбанули по кумполу чем-то тяжелым? Нет, по ощущениям, на черепно-мозговую травму это было не похоже...

Тем не менее я открыл глаза и, проморгавшись сквозь обильные слезы, понял, что, похоже, лежу лицом вниз, и раз вокруг тепло и прямо перед моим носом из земли торчат сочные зеленые стебли какой-то травы, то на дворе, судя по всему, лето. Уже хорошо, хоть какая-то определенность...

Острота ощущений медленно возвращались в виде запаха травы и зуда спины под нагретой солнцем тканью. Я даже начал чувствовать, что ветерок холодит затылок (а стало быть, шапки на мне нет) и как по мне ползает пара каких-то насекомых-сволочей, причем одна из них уже явно нацелилось заползти мне за шиворот. Не дай бог клещ какой-нибудь... Я приподнял (как мне показалось по внутренним ощущениям – с невероятным скрипом во всех сочленениях моего скелета) голову и с усилием хлопнул ладонью себя по шее, решительно пресекая попытки неизвестной букашки-таракашки проникнуть куда не надо. Нет, вроде не клещ – нарушитель спокойствия оказался расплюсчен ударом моих пальцев, сопроводив свою кончину терпко-смолистым запахом. Одновременно с этим я учуял и слабые ароматы автомобильного выхлопа и услышал несколько приглушенных голосов. При этом метрах в полутора от своей головы я рассмотрел две пары ног в синих форменных штанах и ботинках армейского образца.

– Да живой он! – громко сказал где-то надо мной насмешливый и где-то даже радостный мужской голос. – Я говорил!

– Ну и чего же вы панику поднимали? – забубнил еще один голос с легким татарским акцентом, этот выглядел несколько раздраженным. – Получается, живы все ваши чудики, набухались небось, всего-то и делов...

– Да нет, – опять прорезался первый, насмешливый. – В том-то и дело, Алмазыч, что они у них все почему-то трезвые и вообще без травм. Вот и от этого тоже перегаром категорически не шибает. Загадка природы, блин...

Что это, мля, за дискуссии над моим бранным телом?

Я приподнялся на руках, выпрямился и не без труда сел на траву. В голове и шее при этом ощутимо захрустело. Заныло во всем теле. Ну да, я же продемонстрировал один из двадцати типичных способов умереть с похмелья наряду с кувырком через голову и прочим... Хотя какое еще похмелье? Ощущения, что я накануне пил хоть что-то крепче пива, не было. В этом случае во рту был бы тот еще мерзенький вкус, да и желудок бы реагировал соответственно, а тут решительно ничего. Действительно, загадка...

Не без труда повернув голову, я осмотрелся. Так. Действительно, кругом была трава и редкие деревья, но явно не лес. Похоже, лесопосадка. Посмотрел на себя – на мне был темно-серый пыльный комбинезон, заправленный в сапоги, тоже, мягко говоря, пыльные. Рядом со

мною в траве валяется черный, потертый, танковый шлемофон. Древнего образца, с тремя гребнями, без наушников и прочей радиогарнитуры. Интересно...

А метра в двух передо мной действительно стояли с видом победителей двое в синеватой форме МЧС (на одном была еще и оранжевая беретка этого ведомства) – один молодой, тощий и бритый почти под ноль, а второй – чернявый, потолще, постарше и заметно ниже ростом. Спасатели, стало быть... Ну и хрюли они тут делают?

В траве у их ног стоял закрытый кофр. В таких эмчээсники и бригады «Скорой помощи», насколько я помню, обычно таскают комплекты для первой помощи. Ну, а раз я и так жив, то им этот комплект и не понадобился, предпочитают стоять и просто наблюдать... Вот, блин, страна, никто работать не хочет... Хотя, пардон – метрах в пятидесяти за спинами этих двоих обнаружилась окрашенная в типовые эмчээсные цвета «Газель». И через ее сдвинутую боковую дверь было видно, как в салоне дамочка в такой же синей форме меряет давление какому-то мордастому толстому типу совершенно потерянного вида, с всклокоченной прической. Тип был облачен в распоясанную гимнастерку времен Великой Отечественной с расстегнутым до пупа воротом и недостоверными погонами старшего лейтенанта. Увидев меня, тип неуверенно заулыбался и помахал мне ручкой. И здесь я вспомнил что он из Ебурга и зовут его Вова Дормидонтов, и, кажется, вчера вечером я вместе с ним... А что я, кстати, вчера вместе с ним? Опять возник провал в памяти...

– Ну что, жив? – неожиданно спросил откуда-то у меня из-за спины знакомый голос и уточнил: – Андрей, с тобой точно все в порядке?

Я с усилием обернулся и при виде того, кто там стоял, вдруг, как-то разом начал вспоминать многие детали произошедшего накануне. А был это Леха Вендрасс, длинноволосый, худой, с обычной перманентной бородой и неполным комплектом пальцев на правой руке (где именно он их лишился – никогда не рассказывал), в своих коронных тертых джинсах и клетчатой рубашке. Личность во всех смыслах выдающаяся – бессменный председатель и «худрук» нашего Краснобельского клуба военно-исторической реконструкции, а также по совместительству руководитель местной школы юных космонавтов и организатор ролевых игр в виде летних лагерей в индейском стиле для школьников.

Сколько лет я его знаю – так и не могу понять, чего в нем все-таки больше: космонавта, реконструктора или этого самого индейца-ролевика? «Реконструктор» – модное нынче и весьма недешевое, но социально полезное хобби (ибо, играя в эти не доигранные в детстве игры «в войнушку», человек вроде бы занят нужным делом и может легко сойти за патриота), космонавтом (пусть даже юным) сейчас можно быть, если напрочь забыть, что сейчас мировая космонавтика превратилась главным образом в техническое средство по обслуживанию новых систем связи, то есть Интернета для гламурных дур и дурачков (а если-таки вспомнишь, что все декларированные когда-то глобальные цели и задачи земной космонавтики сейчас далеки от осуществления, так же, как и в начале 1960-х годов, – взвоешь и будешь биться головой о стенку), ну а в индейцев хорошо играть, если опять-таки не знать, какими гадами было большинство из них, ведь в книжках Фенимора Купера про нравы и «милые» обычаи многих индейских племен Северной Америки (растительные или грибные отвары, вызывающие помутнение рассудка и глюки, отрезание у врагов «на память» скальпов и прочих деталей человеческого организма, или, к примеру, «медленное и изощренное убивание в знак уважения») написано далеко не все, а если и написано, то в сильно смягченном виде...

И ведь при этом человек вроде ваньку не валяет, пытаюсь всерьез заниматься и первым, и вторым, и третьим. Я бы так точно не смог, и уже за одно это Леха заслуживает уважения. Это я, Андрей Черников, в этих игрищах человек, в общем-то, посторонний. Да, я во всем этом иногда участвую, но чисто как журналист. Поснимать там да описать, как все было, к обоюдной радости (хотя про наши, краснобельские, сборища реконструкторов и им подобных если что и печатают, то разве что в местных газетах, ну и плюс к этому социальные сети). Конечно, мой

провоевавший почти всю Великую Отечественную (с октября 1941-го) дед умер, когда мне было всего семь лет, но на подсознательном уровне я почему-то твердо знаю, что все эти игры с «ряжеными» (если к ним относиться всерьез, как делает большинство этой публики) он бы точно не одобрил. Хотя я в этом смысле «птица вольная», а вот он, Леха то есть, в местной соответствующей среде, так сказать, олицетворение буквально всего, что этими процессами руководит и направляет их – практически «первый после бога»...

И сейчас на Лехином лице было странное, смешанное выражение озабоченности и радости от обретения чего-то потерянного, но все-таки найденного. Хотя реконструкторы – публика своеобразная, и, если их не контролировать, местами и временами они, как и все прочие, запросто превращаются в свиней и поросят (особенно в пьяном виде) – и вот тут случается всякое. У нас в Краснобельске эта публика и солнечные удары получала, и под машины попадала, выйдя за пивом, и, малость переусердствовав в рукопашной, получала легкие ранения (и потом за юным эсэсовцем в травмпункт являлись два приятеля в форме и фуражках войск НКВД и весь приемный покой содрогался от хохота, глядя на этот классический «допрос военнопленного») и, между делом изображая что-то вроде «гусар», дегустировала разные изготовленные собственными руками в кустарных условиях и несколько расширяющие сознания жидкости собственного приготовления и много чего еще.

И, едва увидев Леху, я понял, что накануне произошло нечто из примерно того же ряда (то есть явное ЧП), и я, похоже, в этом так или иначе поучаствовал. Ой, как стыдно-то...

– Я в полнейшем порядке, – ответил я и тут же спросил: – А чего случилось-то?

Эмчээсники при этих моих словах вежливо засмеялись. А я, задав Лехе еще пару глупых вопросов, наконец начал наконец понимать, где тут собака порылась...

Все знают, что так называемые «реконструкторы» и «ролевики» – это такая секта – изуверская и тоталитарная (шучу), хуже которой только каэспэшники и рыболовы-любители (ну, в России все давно поняли, что если гараж – это просто «мужской клуб по интересам», то рыбак – это уже однозначно секта).

У нас, в Краснобельске, эта секта сейчас делится на три неравные части. Первая – это те «особливые извращенцы», кто без ума от времен Пугачевского бунта и войны 1812 г. с ее киверами-ментиками и прочей дребеденью и мишурой. При этом данные «любители древности» быстро переругались и передрались между собой и в итоге разделились на две конкурирующие организации – «Краснобельский Пехотный Полк» (действительно был такой в 1812 году и вроде даже при Бородино побывал) и «Северные Амуры» (вот это вообще вредная публика, суть которых можно определить старинным советским термином «буржуазные националисты», поскольку эти противные типчики, возглавляемые Ильдузом Шуйхуметовым, искренне верят в то, что бравава шкабырская кавалерия выиграла не только войну с Наполеоном, но и Великую Отечественную, хотя что с них взять, с убогих?). Существуют эти две группы в обстановке перманентной вражды, усугубленной постоянной дележкой власти внутри них. При этом любить XIX век сейчас особо дорого, хороший новодел фузеи, мушкета или какого-нибудь предмета обмундирования и снаряжения из тех времен стоит дико дорого и от того приток неофитов к ним невелик. Нет, то есть новые лица к ним, конечно, иногда приходят, но потом в основном также быстро уходят, поняв, во что все это обходится, и в смысле денег, и в смысле нервов. Ну а поскольку пресловутая «наполеоника» и все, что с ней связано, – это времена стародавние и где-то даже дремучие, нынешняя власть и сегодняшние школьники про это мало чего знают и помнят, и от того бюджетных денег и «полковым пехотинцам», и «амурам» почти не перепадает, зато на почетные грамоты для них и на юбилейные медальки самоварного золота (по случаю какой-нибудь очередной тусовки на Бородинском поле) «Российское военно-историческое общество» никогда не скупилось. Так они и живут – периодически кричат на всех углах, что они тут самые большие патриоты, делающие великое дело, а их толком никто не слышит. Лично меня больше всего смешит, что в означенном «Краснобельском Пехотном Полку»

собрались в основном мужики ростом «полтора метра с кепкой», которые даже с кивером на голове несильно превосходят ростом какую-нибудь юную деву из патриотического клуба. Генка Шепелев, их самозванный «заместитель главнокомандующего», при этом всегда орет, что он самый настоящий, распрекрасный «гренадер», а когда я на это ехидно замечаю, что в армии того же Наполеона Бонапарта ему с его «богатырским» ростом не светили бы не только егеря, но даже и какие-нибудь вольтижеры, он неизменно и смертельно обижается...

Вторая часть сектантов – упертые и не очень фанаты Гражданской войны 1918–1921 годов. У нас в Краснобельске и Республике Шкабыртыстан реальные боевые действия крайний как раз были как раз тогда, в 1918–1919 гг. – белочехи, Ярослав Гашек (Бугульма, где он побыл комендантом, это как возле нас, километров двести западнее Краснобельска), адмирал Колчак ну и, конечно, начдив Чапаев со своим комиссаром Фурмановым и ординарцем Петькой. Эта страница истории, конечно, сильно «ближе к телу», но от осознания этого факта данная группа сектантов сильно многочисленной тоже не стала. И главная причина – мягко говоря, неоднозначность этого исторического периода. Раньше про это писали и снимали одно и, как оказалось, отчасти ввали. Сейчас про «гражданку» снимают и пишут нечто другое (прямо противоположное), но в большинстве случаев тоже врут, как сивые мерины.

Между тем у большинства из нас (чего уж тут скрывать столь явную вещь) предки либо воевали за красных, либо «сочувствовали» большевикам – и именно поэтому закономерно появились на свет и мы, и наши родители. С этим вроде бы и не поспоришь, но когда у этой части сектантов до реального дела доходит – неизменно получается какая-то лажа. За «красных» никто играть почему-то не хочет, а чтобы за «белых» играть – и знаний маловато, да и фактура не та, мордой для того, чтобы изображать дворян и императорских офицеров, как-то не вышли.

У нас ведь до сих пор думают, что все реалии русской гражданской войны отражены в пошлых песнях про разливающих вино поручика Голицына и корнета Оболенского и ведущих девочек в кабинет комиссарах. А если у тебя, пардон, азиатская харя и руки слесаря с оставшимися со времен шпанистой юности наколками (какой-нибудь «Вова» и солнышко на пальцах) – то какая же из тебя, спрашивается, на фиг, «белая кость и голубая кровь»? Вот по этим причинам в головах у наших фанатов Гражданской войны и получается явный когнитивный диссонанс. Один мой приятель (кстати, эмвэдэшный подполковник), вдруг ни с того ни с сего решивший на старости лет примкнуть к этой части сектантов (подозреваю, что все это от того, что ему ни в быту, ни на службе просто не с кем поговорить – озверел человек от окружающей его тупости), сначала вдруг вздумал изображать из себя не «белого», не «красного» и даже не «зеленого», а самое странное из числа того, что только можно было вообще на эту тему придумать, – пресловутую «полутоварищескую» Армию Комуча (то есть Самарского Учредительного Собрания), которая и просуществовала-то в 1918 году где-то полгода, толком не оставив после себя даже фотографий. Но зато не носила погон и при этом цепляла георгиевские ленточки вместо кокард на фуражки. Я, естественно, его прямо спросил: тебе что, лавры полковника Гиркина (весьма уважаемого во всех отношениях человека) покоя не дают? Тогда вместо того, чтобы в палки играть да в скакалки скакать, бери автомат да езжай на Донбасс и вой там с реальными фашиками с тем же символом... Естественно, он на меня обиделся до глубины души – обложил последними словами и, как написано у Булгакова, «с тех пор не кланяется». Видимо, от того, что я и в этот раз угадал, – у людей вроде него вся эта нехитрая мотивация прямо-таки на лбу написана. Хотя по сектантской части он довольно быстро определился окончательно – видел я недавно в соцсетях его фото с какого-то их очередного сборища, и там он уже в открытую за белогвардейцев играет, с погонами и нарукавным шевроном Добровольческой армии, она же ВСЮР...

Хотя денег этим «чапаевцам» и «античапаевцам» тоже почти не дают, да и многочисленностью они также не отличаются, тем более что их главный идейный вдохновитель и по сов-

местительству журналист Сергей Пушпанов недавно умер, преждевременно и, можно сказать, трагически. И теперь, как только дело доходит до очередного сборища по случаю круглой даты взятия Краснобельска красными в 1919 году, всегда получается очень смешно, поскольку приехавшие к нам приглашенные из других российских военно-исторических клубов на данное мероприятие личности неизменно играют только за белых. Вот и выходит, с одной стороны – полсотни одетых с иголки, словно на парад в Царском, незабвенном, Селе «дроздовцев» и прочих «марковцев» с «корниловцами», а с другой – полтора десятка обмундированных во что попало малолетних «краснопузых» из числа студентов, школьников старшего возраста или толстопузых пятидесятилетних мужиков, чуть ли не в банных «буденовках».

Генка Шепелев, который у нас не только фанат 1812 года, но и вообще «к каждой бочке затычка», как-то во время такого мероприятия тоже играл «красного», так получилась вообще умора, поскольку приезжие офицеры его как «красного комиссара» несколько раз демонстративно водили на «расстрел», чуть ли не под барабанный бой, подробно протоколируя весь этот процесс на фото и видео. Они тогда сильно увлеклись и даже чуть было Генку на березе не повесили, но когда вовремя поняли, что сделать это понарошку точно не получится (нашлось-таки в их рядах двое или трое пессимистов), малость охолонули...

Ну а самая многочисленная группа сектантов – это, конечно, 1941–1945 годы. Это по сей день многим интересно, не все еще забыто, и от того всегда есть стабильный приток неопитов из числа школоты и студентов. Но и здесь всегда наблюдается очень странный перекокс – почему-то «немцев» всегда оказывается больше, чем «русских». Причем «русские» – в основном молодые и обмундированные очень по-простому, а немцы – мать моя! Тут тебе и различный Ваффен-СС, и парашютисты, и горные егеря. При этом все одеты с иголки, увешаны железными и рыцарскими крестами, бляхами за различные кампании, рукопашный бой, подбитые танки, борьбу с партизанами и прочее, и заставить такого, с позволения сказать, «нациста», к примеру, изобразить убитого на поле боя невозможно – да вы что, я же мундир запачкаю, а он дорогой! Как можно?! При почитаемом большинством «реконструкторов» товарище Сталине такой подход было принято именовать хорошим словечком «низкопоклонство», причем это «низкопоклонство» у них самого мерзкого свойства – а как еще назвать здорового, половозрелого лба, который искренне фанатеет от когда-то битой его дедом или прадедом армии со всеми ее внешними атрибутами, а значит, – и от ее людоедской идеологии?!

А с горными егерями у нас вообще интересная история, поскольку это чисто Лехина заморочка. У него один из дедушек вроде бы где-то в предгорьях Кавказа воевал и медаль «За оборону Кавказа» (точнее, даже две таких медали, уж не знаю, как он их получил) имел. По этой самой причине в головах у наших, краснобельских, реконструкторов основная тяжесть Великой Победы заметно сместилась к югу и стала иметь ярко выраженную кавказско-горнострелковую направленность, в духе «лыжи из печки торчат», практически как в свое время было в случае с Леонидом Ильичом Брежневым.

Самого Леху хлебом не корми, но дай про эти самые бои на Кавказе поговорить. Как рот откроет – все, понеслась по кочкам... Я сначала эти его монологи слушал молча, а потом объяснил, что мне, дурачку темному, всей глубины этого запредельного героизма, наверное, не понять, поскольку мой-то дед в 1941–1942-м всего-навсего защищал маленький, провинциальный и мало чего значивший в мировом и стратегическом масштабе город Москву. Леха на это ничего не сказал, но посмотрел уважительно.

Ну а в остальном администрация (и местная и столичная) все-таки считает «военно-исторические реконструкции» по временам Великой Отечественной делом нужным и где-то даже агитационным, и бюджетных денег на них иногда подкидывает. Ну, то есть как подкидывает... Просит Леха, скажем, пятьсот тысяч рублей на очередное мероприятие, а ему после «тщательного анализа» сметы соглашаются выдать, допустим, сто или полтора-ста тысяч (а остальное,

мол, уже после мероприятия, но обычно никакого «после» категорически не бывает), чего хватает разве что на холостые патроны да на кое-какую пиротехнику. Но, как говорится, и то хлеб.

У нас в Краснобельске «военно-исторические реконструкции» стараются проводить дважды в год – на 23 февраля и 22 июня, все зависит от наличия или отсутствия средств, количества приглашенных иногородних участников и других обстоятельств. К примеру, по круглым датам денег всегда дают больше и охотнее. В этом году, хоть дата выпала и не круглая, деньги на «летнюю» реконструкцию кое-как нашли, причем сумма была даже большей, чем ожидалось. Конечно, особо развернуться было не с чего, но все-таки.

В качестве места проведения летнего мероприятия в последние годы неизменно избирают поле возле аэродрома во Вторпятово (наш безнадежно спившийся краевед Корятов утверждает, что раньше здешний колхоз или совхоз назывался «Вторая Пятилетка», «Имени Второй Пятилетки» или что-то типа того, хотя сейчас ближайшая деревня именуется просто и домоткано – «Буреево», или, как говорят отдельные шутники, «Обуреево», а вот к аэродрому почему-то прилипло прежнее, колхозное название).

Собственно аэродром ДОСААФ здесь был всегда, хотя сейчас Вторпятово – прибежище небольшой группы особо хитрых деятелей от пресловутой «малой авиации», которой в России сейчас, если честно и между нами говоря, почти нет. И вроде люди при деле, а чем конкретно заняты – никому непонятно. Ну, летает с их площадки Лесоохрана и МЧС на так называемый «пожарный и экологический мониторинг территории» на паре-тройке импортных сверхлегких вертушек «Робинсон», а что кроме того? Да почти ничего – пара старых «Злинов-Тренеров», один «Ан-2», ну и всякие там «Цессны» и прочая мелочь западного производства, вплоть до автожиров и мотодельтапланов, и вся тамошняя осмысленная деятельность сводится в основном к «покатушкам» на всякой легкомоторной дребедени и парашютным прыжкам для «любителей острых ощущений». И то и другое, естественно, за деньги, сейчас по-другому никак. Уж не знаю, как они до сих пор на плаву держатся, тем более что авиатопливо нынче ох какое дорогое. Похоже, за счет в том числе кое-какой арендной платы от «реконструкторов» да всяких там рокеров, поскольку они на том же свободном поле еще и подобие рок-фестивалей местного разлива регулярно проводят, хорошо устроились.

И если по понятиям продвинутых и гламурных столичных кексов наш Краснобельск – это жуткая, провинциальная дыра, куда нормальный «интеллектуальный» человек может попасть, только проезжая по железной дороге с Европейской части России в сторону Сибири и Дальнего Востока или обратно, либо во время большой войны, в результате эвакуации (где-то это, наверное, правда, к нам многие существующие донные компоненты местной науки и промышленности действительно были завезены как раз в 1941–1942 гг. правда, наш интеллигентный алкаш-краевед Корятов с этим категорически не согласен), то Вторпятово – это дыра, которая «еще дырее» – выезжаешь из Краснобельска через мост над рекой Белой и около часа едешь, свернув с основной трассы и несколько раз зачем-то резко поворачивая и петляя среди однообразных полей и лесопосадок.

В общем, вчера, то есть 22 июня, в окрестностях этого самого Вторпятова была назначена очередная «военно-историческая реконструкция», на сей раз «реконструировали» что-то из лета 1944 года. Участвовало человек полтора «ряженных», половина из которых были приезжими, ну и праздных зевак из города по такому случаю, как обычно, понаехала тьма-тьмушая.

Сценарий спектакля был, как обычно, незатейливый. «Немцы» сидят в обороне, «наша» пехота атакует, «немцы» отбивают первый натиск, но тут с тыла появляется еще одна группа «наших» с танком «Т-34-85», и на этом все – «наши» победили. «Тридцатьчетверка», которую за казенный счет привезли откуда-то из Екатеринбурга, была главным «гвоздем программы». Остальная участвовавшая техника, а именно пушка-«сорокапятка» с неродными колесами, грузовик-«полторка» ГАЗ-ММ и несколько мотоциклетов «Урал», были «местным ресурсом».

Я в этот раз напросился снимать атаку из башни движущегося танка, для чего предварительно и пере-оделся в некое подобие танкиста, дабы не выделяться на общем фоне баталии. Это если идешь и снимаешь позади цепи, можно и в камуфлю одеться, чтобы тебя среди травы и кустов не видно было, а вот если непосредственно «в боевых порядках» с камерой идешь, лучше переодеться – закон для съемщика любой подобной «баталии».

Нельзя сказать, что мероприятие прошло уж совсем гладко. С утра было солнце и жара, потом посреди этой жары начал периодически сгущаться короткий летний дождь, из-за чего над «полем брани» стояла жуткая духота при невероятном количестве комаров, и даже командовавший всем Леха в какой-то момент ненадолго упал в обморок, что вызвало некоторую заминку с нашей «танковой атакой». Испарявший с перегретой брони дождевую воду танк стоял в кустах, а его осатаневший в ожидании своего выезда экипаж и сомлевший на жаре и подмоченный дождиком «танковый десант» минут двадцать переругивались по мобиле со штабом мероприятия, которому было явно не до нас – там приводили в чувство «верховного вождя», о чем мы тогда, естественно, еще не знали. Потом, когда наша «танковая атака» наконец состоялась и все почти закончилось, Буреевское РУВД, на котором было обеспечение оцепления, привычно забило болт на свои прямые обязанности. Обленившиеся полицейские и полицейские просто разбрелись, а «почтеннейшая публика», которой в этот раз собралось много больше, чем ожидалось, без труда прорвалась за условную «разграничительную линию» и, устроив «Ходынку в миниатюре», чуть не потоптала Леху со всем его «штабом», готовившихся раздавать почетные грамоты чинов из мэрии и несколько снимавших действие со стороны условных «трибун» местных съемочных групп.

Затем, поскольку поле аэродрома продолжало полоскаться мелким дождиком, вся эта толпа зрителей срочно кинулась разъезжаться. Хитрые гибэдэдэшники обеспечили отъезд начальства из мэрии и тут же, не теряя ни секунды, смылись вслед за ним. Из-за этого на единственной, узкой и местами даже не асфальтированной (кое-где она просто отсыпана щебенкой) дороге, подходящей к аэродрому возникли глухие пробки. В довершение ко всему сломался один из автобусов, перевозивший часть «немцев», а короткий дождь внезапно перешел в сильный ливень, с грозой и молниями. Так или иначе, выезд из Вторпятова оказался наглухо перекрыт забуксовавшими и просто скучившимися машинами зрителей. В результате и мы, и наиболее здравомыслящая часть зрителей поняли, что застряли здесь на какое-то время.

Среди сектантов это обстоятельство никого особо не огорчило, тем более что многие «реконструкторы», особенно из числа местных, притащили за собой на аэродром жен или подружек (или как еще назвать этих девиц странного вида?). Ну и кроме того, у многих из них, как обычно, «с собой было».

В общем, полуодетые «немцы» вперемешку с «красноармейцами» (последние тоже частично в белье) набились в один из пустующих местных то ли ангаров, то ли гаражей, который здесь, по-моему, обычно используют для укладки и сушки парашютов (единственная маленькая приаэродромная кафешка в этот момент была до отказа заполнена зрителями, которые не успели уехать до грозы и теперь активно пили-ели чего им бог послал в ожидании улучшения погоды) – и понеслась.

Обычная душевная пьянка постепенно перешла в стихийное братание, некоторые не рассчитавшие свои силы индивиды постепенно набрались очень качественно и даже решили возвращаться в город утром, благо завтра воскресенье. Кульминацией вечера стало стихийное выступление Игоряши Стегалова (здоровенный пузатый мужик в несвежей майке, немецких бриджах с расстегнутой ширинкой и пижонскими подтяжками и расхристанном кителе унтершарфюрера Ваффен-СС). Его и без того выпученные глаза налились кровью и съехались к переносице, после чего он с трудом оглядел собравшихся вокруг и, явно не понимая, что он здесь делает, произнес:

– Кто были все эти люди и что они значили в судьбе великого магистра – история умалчивает...

После этого он закрыл глаза и замер, мгновенно задремав в неудобной позе болванчика из буддистской мифологии – утомился, болезненный, ибо он-то начал квасить еще с утра.

В этот самый момент большинству собравшихся стало понятно, что мероприятие действительно пора заканчивать.

Так что в целом вчера все было как всегда, не сильно отличаясь от аналогичных мероприятий предыдущих лет. И все бы ничего. Но было одно исключение. Как известно, в реконструкторском деле от любой серьезной боевой техники обычно одна головная боль. А в этот раз все как-то начисто забыли про «Т-34–85», поскольку у Лехи и его заединщиков из числа организаторов было полно других вопросов, которые надо было срочно решить прямо по окончании мероприятия (в частности, собрать съемочное, громкоговорящее и пиротехническое оборудование, пока оно не намокло), а остальные «расслабились».

В общем, около 22.00, примерно через полчаса после запомнившегося мне выступления Игоряши, когда трезвый (он по жизни вообще малопьющий, лично я его ни разу даже поддытым не видел) и уставший Леха появился в ангаре, где шел стихийный «банкет» (ливень наконец кончился и на улице уже почти стемнело), ему вдруг начали звонить хозяева «Т-34». И здесь все осознали, что слегка помытый дождем танк все так же стоит на краю недавнего «поля брани». Дело в том, что, согласно предварительной договоренности, трейлер, прибывший за танком, должен был въехать прямо на аэродром и там погрузить «тридцатьчетверку» (собственно говоря, примерно таким макаром танк привезли и выгрузили за сутки до этого). По логике вещей трейлер с седельным тягачом надо было оставить на месте до конца мероприятия. Однако трейлер был арендованный за казенный счет, и после разгрузки «Т-34–85» он уехал. Именно в подобных дурацких ситуациях начальники всех рангов обычно начинают надувать щеки и проявлять чрезмерную «меркантильность». Вот и в данном случае было заявлено о том, что «техника стоит денег и она не должна простаивать», хотя какой может быть «простой», это в пятницу-то, накануне выходных? В общем, после окончания мероприятия за танком прислали другой трейлер, и он, естественно, опоздал, прибыв в момент, когда началась гроза и единственный подъезд к Вторпятово был закупорен легковушками зрителей. А когда гроза закончилась, эти самые зрители тоже не особо торопились разъезжаться, а значит, подъехать прямо к аэродрому по единственной узкой дороге, да еще и развернуться там, трейлер ни за что не смог бы. В общем, трейлер застрял на шоссе у поворота на Вторпятову, а находившиеся вместе с ними водитель тягача и представители владельцев танка сильно занервничали и начали названивать Лехе.

Он недолго обдумывал ситуацию и, как и положено полководцу, принял гениальное решение – раз гора не идет к Магомету, тогда Магомет идет к горе. Время поджимало, и он рассудил, что проще всего будет отогнать «тридцатьчетверку» (благо в ней еще оставалось топливо, хоть и неполная заправка) к тому месту у шоссе, где «куковал» трейлер и «сопровождающие его лица», кратчайшим путем – то есть своим ходом прямо через окрестное поле, где между лесопосадок были видны колеи едва намеченной грунтовой дороги. Похоже, этим кратчайшим путем иногда ездили обуреевские аборигены на своих внедорожниках.

Казалось бы, чего там – завели танк, сели и доехали до шоссе, где «Т-34–85» грузится на трейлер и быстро уезжает. Тем более что время уже поджимало, а этим путем до шоссе было всего километра четыре с небольшим, и вроде все выглядело просто.

Куда сложнее было укомплектовать «экипаж машины боевой» – то есть чтобы были и трезвые, и танк умели водить. В общем, припахали двоих из Ебурга – Ивана Ключкина и Вову Дормидонтова. Благо оба принадлежали к тому самому клубу, который обеспечивал доставку «Т-34», и сопровождавшие трейлер лица должны были знать их в лицо, а Ключкин умел водить танк. А из местных вызвались я и Макс Дудыптов – чисто из любопытства. Я хотя и умею

водить танк, но не такой – у «тридцатьчетверки» усилия на рычагах под тридцать кило, на фигу же мне эта тяжелая атлетика? Так или иначе все мы были относительно трезвы. Что касается лично меня, то я вчера вообще не поддавал. Мне уже было просто скучно на «банкете» – отъезд в город откладывался, а пить в такую духоту «теплую водку стаканами» при почти полном отсутствии закуски и даже запивона мне категорически не хотелось. Фактически я решил просто покататься на халяву (каюсь), хотя это и было чревато, ибо обратно от шоссе нам предстояло топтать по мокрой траве пешком.

В общем, мы залезли в «Т-34». Ключкин за рычаги, я на место стрелка-радиста (где уже давно не было ни рации, ни пулемета, а сиденье представляло из себя одну видимость), Дудыптов и Дормидонтов – в башню, завели танк и поехали, к радости еще оставшихся на аэродроме редких зрителей, которые принялись снимать этот процесс на карманные гаджеты. Ну а дальше – ехали мы ехали по этому полю, а потом?

А что, кстати говоря, было потом? У меня в мозгах по этому поводу был полный провал. Ни прибавить ни убавить – сижу в движущемся танке, а потом вдруг, без всякого перехода, очухиваюсь, уже лежа мордой вниз в траве, с больной головой, и вокруг, что характерно, утро...

В общем, как мне рассказал Леха, вредный водила трейлера, после того как в течение часа танк так и не появился в пределах его видимости, позвонил и простыми словами поинтересовался – в чем дело, нах? При этом водила неожиданно заявил, что, кажется, слышит в отдалении тарактение дизеля, но оно к нему не приближается. Из этого он сделал вывод, что эти ушлепки, то есть экипаж (мы), похоже, заблудились в трех соснах.

Леха сильно удивился. У троих из «экипажа» (кроме меня) были с собой мобильники, и он начал названивать им. И почему-то его сотовый неизменно выдавал информацию о том, что «абоненты вне зоны доступа». Удивившись еще больше, Леха, отправил по следам гусениц танка пацанов из нашего военно-исторического клуба. Те шустро сбегали и доложили такое, от чего уже был повод всполошиться не на шутку. В общем, танк стоял на дороге с открытыми люками и тарактел себе на холостом ходу, даже фара горела. Леха облегченно сообразил, что с дорогой игрушкой ничего не случилось, и быстро нашел нового мехвода, Ришата Ахмадулина (из местных реконструкторов, тоже не-много умевшего водить танк), который таки отогнал «тридцатьчетверку» по назначению. Там обрадовались, загнали танк на трейлер и срочно отбыли в сторону города.

Так что с этим все прошло нормально, ненормально было другое. Ведь людей (то есть нас четверых) ни внутри «Т-34», ни вокруг места, где он стоял и тарактел, не было. Вот тут-то все и офигели по-настоящему. Точнее сказать, офигели те, кто еще остался на аэродроме, поскольку к ночи больше половины участников «баталии», особенно те, кто приехал на своих машинах и был достаточно трезв, все-таки разъехались в сторону города.

Конечно, сначала возникли вполне логичные предположения, что это чья-то дурацкая шутка, тем более что наш «экипаж» был вполне трезвый. Кое-кто начал бурчать, что мы могли притащить бухло с собой самым вредительским образом и насосаться прямо во время движения. Леха и остальные начали снова названивать на мобильные членов экипажа, и опять, раз за разом, никто не отозвался. И здесь до всех начало помаленьку доходить, что, похоже, произошло что-то нехорошее. Тем более что с Ключкиным на мероприятии были жена Татьяна и сын Илья, которые, кстати, тоже участвовали в «костюмированном параде-карнавале». Когда Танька поняла, что с ее мужиком что-то не то, – хлопнулась в обморок, чем добавила в окружающую атмосферу суеты и нервозности. Ключкину-младшему тоже стало нехорошо. Да и сам Леха, как он потом признался, в этот момент тоже был близок к панике.

В общем, он поднял всех оставшихся на аэродроме реконструкторов (тех, кто был в состоянии ходить и разговаривать) и их ошивавшихся здесь же друзей и родственников, после чего все они скопом кинулись на наши поиски.

Довольно долго это было тщетно. Леха начал уже было прикидывать – сколько лет ему дадут? В полицию он сообщать категорически не хотел (ибо знал, что пропавших им положено начинать искать суток через трое, а значит, обуреевские мусора его банально пошлют в пеший поход с эротическим уклоном и будут правы с точки зрения формальной логики), но все-таки кто-то из особо слабонервных баб (скорее всего, то ли подружка, то ли невеста Дудыптова Ирка) позвонил в МЧС. Оно у нас в Краснобельске вообще всегда было довольно неторопливое, если речь не идет о чем-то действительно серьезном, а тут – вызов, касающийся потерявшихся во время мероприятия «реконструкторов» (которых большинство населения искренне считает полными шизиками), да еще и в ночь с субботы на воскресенье и в достаточно удаленное от города место. В общем, эмчээсники приехали уже на рассвете, когда ситуация несколько разрядилась. И похоже, на вызов приехали те, у кого был некий личный интерес к реконструкторским «забавам», а если точнее – банальное желание поржать. По крайней мере позже в сети появился, например, ролик о нахождении и приведении в чувство Макса Дудыптова. Поскольку он был в немецкой форме, а при попытке его растолкать и поднять он довольно долго не понимал, где находится, и ругался очень простыми русскими словами, получилось где-то даже смешно. По крайней мере, просмотров у ролика набралось изрядно.

Хорошо, что летние ночи светлые, и, к тому времени когда эмчээсники наконец были, примерно в полутора километрах от места остановки танка, но в совершенно разных местах, уже нашли Ключкина и Дудыптова. Потом, под утро, нашли Дормидонтова и, наконец, последним, уже на рассвете, меня.

Почему-то всех нас разбросало в разные стороны от дороги, по которой мы ехали в танке, в радиусе примерно километров четырех от дороги, по которой танк и ехал. При этом дальше всего от трассы маршрута «Т-34–85» оказались мы с Дормидонтовым. Любопытно, что никаких следов от наших ног нигде не было, хотя вокруг растет достаточно высокая трава. Картина вырисовывалась такая, словно мы ни с того ни с сего вылезли из танка и потом летели в разные стороны по воздуху и затем, словно по мановению волшебной палочки, вдруг попадали в эту самую траву с небольшой высоты. Чудеса, да и только...

Все мы, четверо, в момент обнаружения были в обмороке. Вроде как без сознания, но не пьяные, а словно просто спали. Каждого из нас привели в чувство без особого труда. Беглый осмотр на месте, проведенный эмчээсниками, показал, что видимых повреждений и травм ни у кого из нас нет, давление, пульс, зрачки и прочее тоже оказались в пределах нормы. Зато общим моментом у всех были провал в памяти, связанный с недавним происшествием, и жалобы на головную боль. Собственно, это было все. От той дороги, по которой я несколько часов назад ехал в «тридцатьчетверке» до лесопосадки, где меня обнаружили, было километра три с небольшим. За каким меня сюда занесло – было совершенно не понятно. С остальными обстояло аналогично.

В общем, хотя различных вопросов (и вполне закономерных, и откровенно дурацких) оставалось достаточно, Леха очень обрадовался, что никакого членовредительства, переходящего в смертоубийство, и тем более уголовщины не случилось, а значит, никакая отсидка ему не грозит. Еще больше обрадовались хозяева аэродрома Вторпятово, которым тоже стало очень кисло в момент, когда началась суматоха, связанная с нашим внезапным исчезновением. Если бы случилось нечто из ряда вон выходящее, вроде чьей-то смерти или серьезных травм, их бы точно задолбали разными нервомотательскими проверками.

Ну а, поскольку никаких признаков криминала действительно не обнаружилось, полицию беспокоить не стали, а несколько заинтригованные произошедшим эмчээсники, похихикав, написали в своих бумагах что-то нейтральное о несчастном случае – «нескольких заблудившихся во время грозы и потерявших сознание гражданах». Они, как и многие очевидцы ночного происшествия, почему-то были склонны связывать наше исчезновение с какими-то нетипичными и где-то даже фантастическими проявлениями атмосферного электричества.

Дескать, возможно, что в нашу «тридцатьчетверку» взяла да и долбанула визуально никем так не замеченная шальная шаровая молния – вот мы и разбежались в разные стороны как подорванные, поскольку нас током ударило... Хотя никаких явных признаков поражения электро-током ни у кого из нас не было.

Вообще вокруг Буреева сплошные поля с лесопосадками и редкими рошицами, и, если вы способны живо представить себе это место, непонятно где там можно вообще заблудиться, но бумага, как всегда, все стерпит, а проверять все обстоятельства этого рутинного вызова никто все равно не стал бы, тем более что все закончилось хорошо. Хотя, если надо, силовики умеют еще и не такой дым в глаза кому попало пустить. После заполнения бумажек эмчээсники посоветовали нам всем меньше пить (их второй «рабочей версией» было предположение о том, что мы все-таки что-то такое пили накануне, скажем, за сутки или двое до инцидента и отравились, или что-то типа того) и рекомендовали в случае резкого ухудшения самочувствия обращаться к врачу по месту жительства. Засим они откланялись и отбыли восвояси.

Когда орлы из МЧС наконец уехали и общий шухер несколько улегся, Леха вдруг спросил меня:

– Андрей, а ты что, вчера переодеться успел?

– Ага, – ответил я.

Он посмотрел на меня как-то странно, но ничего не сказал. К этому моменту у него после всех стрессов прошедшей ночи, похоже, уже пропало всякое желание что-либо у нас спрашивать. Живы-здоровы, и ладно...

А я, в момент когда все мы, то есть «найденши», вернулись на аэродром, уже и сам начал понимать, что со мной происходит какая-то фигня. Поскольку с момента пробуждения в траве я ощутил, что одет я явно как-то не так, как в момент нашего поздневечернего выезда.

Изначально комбез, который я надевал на время съемки, у меня был совершенно левый – лишь бы издали сошло за танкистский, тонкий, пошитый из серо-синей ткани (ближе к синему, из такой сейчас дешевую спецодежду мастрячат). А под комбезом у меня были трусы с полосатой майкой-тельником без рукавов, и более ничего. Плюс к этому затрапезный, абсолютно левый, ремень и кирзовые сапоги. Никакого шлемофона у меня и в помине не было, вместо него я обходился маловатой пилоткой без звездочки, которая в момент нашего вечернего выезда уже была упакована мной в оставленную на аэродроме сумку, вместе с фотокамерой и прочими причиндалами. В нашем, краснобельском, военно-историческом клубе танкошлемы вообще жуткий дефицит – вчера во время баталии у нас на экипаж из пяти человек был только один шлемофон (у торчавшего из своей башенки командира), да и тот образца 1970-х годов, то есть явно не из той эпохи. Хотя, с другой стороны, если у тебя в этом самом клубе ничего крупнее мотоциклета отродясь не было – зачем тебе вообще танкошлем?

Ну и спрашивается – а что я обнаружил, едва очухавшись? Первым делом я увидел в траве рядом с собой танкошлем, явно ношенный, из кожаменителя, с тремя гребнями, без наушников от радиации или ТПУ, но подозрительно точно соответствующий образцам времен Великой Отечественной. К тому же после стихийной примерки он оказался мне в самую пору.

Комбез на мне тоже оказался не тот – куда более плотный и качественный, чем то, в чем я выезжал «в ночное», добротный и даже с нашитыми на коленях и локтях то ли заплатами, то ли тканевыми «усилениями». Потом, уже когда я переодевался на аэродроме (слава богу, что при этом никто из наших меня не видел, все бегали и собирали оставшиеся манатки перед срочным отъездом, который и так сильно задержался из-за нас, грешных), обнаружилось, что на мне под комбезом полный комплект нательного белья в виде рубахи и кальсон (и то и другое не особо свежее и явно ношенное, но все же уставное, опять-таки времен Великой Отечественной) и галифе с гимнастеркой. «Защитная гимнастерка» оказалась хб, но при этом командирского образца, с нагрудными карманами. В карманах гимнастерки были какие-то документы, в левом набедренном кармане комбинезона – аккуратно свернутая карта. Разбираться со всем этим я

не стал – просто быстро убрал от греха подальше, решив, что потом, уже дома, все рассмотрю и прочитаю.

Сама гимнастерка была вполне стандартная, образца после 1943 года, с воротником-стойкой на двух потемневших латунных пуговицах и еще тремя пониже. На плечах гимнастерки были полевые погоны старшины защитного цвета, с красными т-образными лычками и латунными эмблемами танковых войск РККА (старыми, довоенными, которые изображают стилизованный боковик танка БТ). На груди гимнастерки слева обнаружилось две медали «За отвагу» (одна из которых большего диаметра и на маленькой, прямоугольной красной колодке – такие вручали до 1943 года), справа ордена Красной Звезды и Отечественной войны I степени а также значки – «Отличный танкист» и «Гвардия». Достаточно тривиальный, с точки зрения беспринципного коллекционера из новейших времен, набор наград, тем не менее свидетельствующий о доблести и мужестве награжденного.

Ремень на мне оказался командирский – довоенный, со штампованной пряжкой в виде сквозной пятиконечной звезды. Плюс португепя через плечо. Сапоги тоже были другие, значительно лучшего качества, похоже, яловые, но точно никакая не кирза. Моего размера и явно долго ношенные.

Но самое главное – при мне обнаружилось целых три ствола! Они же «волыны», «плетки» и так далее, если вспомнить современный полууголовный сленг. И вот это было самое интересное. Во-первых, вчера у меня из оружия не было даже зубочистки, и уж подавно не имелось на поясе никакой кобуры. А после моего пробуждения на поле на спине справа на пояском ремне вдруг обнаружилась вполне себе уставная кобура, а в ней заряженный, увесистый «ТТ» (и ведь никакой, блин, не муляж!), да к тому же с патроном в стволе. В правом набедренном кармане моего комбеза был «Люгер» (он же «Парабеллум»), тоже заряженный и боеготовый, а во внутреннем нагрудном кармане комбинезона справа (по идее, на комбинезонах тех времен таких карманов не было, а на моем он был явно нашит дополнительно и специально под оружие – цвет ткани несколько отличался) – револьвер системы «Наган». Вообще карманы, в которых нашлись пистолеты, были явно перешиты и несколько усилены именно для этой функции – а как иначе в них возможно таскать отнюдь не легкий «Тульский-Токарев», а уж более тяжелый и габаритный «Люгер» – и подавно. Интересно, только кем именно эта портняжная работа была проделана и когда? Причем из двух первых стволов явно стреляли, недавно и много – от дульных срезов «ТТ» и «Люгера» ощутимо воняло порохом. При этом в обойме «Люгера» при беглом осмотре не хватало четырех патронов, а в одном кармане я нашел две пустые обоймы для «ТТ». А еще – по разным карманам моего комбеза оказались рассованы четыре снаряженные запасные обоймы к «ТТ» (пятая была в кармашке кобуры), две полные обоймы к «Люгеру», а также два десятка патронов для нагана. Довершал картину явно самодельный аккуратный нож, ножны которого обнаружались за голенищем моего левого сапога. Нож был хорошо заточенный и хорошо сбалансированный, качественно сделанный под мою руку, хотя и слегка потрепанного вида. Похоже, что я им тоже неоднократно пользовался. Или не пользовался? Или не я? Интересно только, если это был я – хлеб да сало на бутерброды строгал или всерьез кого-нибудь подрезал? Жуть какая-то...

При виде этого «большого набора» киллера или террориста (хотя часто это одно и то же) я невольно порадовался, что не нашел у себя в карманах, скажем, ручных гранат. И как же хорошо, что никого все-таки не тыркнуло сдуру ментов вызвать, они бы меня с этим арсеналом точно «приняли» с распростертыми объятиями, особенно после всех этих недавних некрасивых историй, когда мужички за пятьдесят, у которых что-то там по жизни «не срослось», хватались за стволы и начинали без всякого повода валить соседей по даче или вообще кого попало...

Хотя и не факт. Обуреевские мусора могли вообще ничего не заметить, специально не присматриваясь, – в конце концов, внимание сильно притупляется, если кругом шляется толпа

абсолютно левого народа с нестреляющим оружием, включая пулеметы и противотанковые ружья, а на «баталиях» вроде вчерашней многие реконструкторы еще и муляжи пистолетов с собой таскают, а из «наганов» и прочих револьверов бывает даже и постреливают холостыми.

Но все-таки сразу три пистолета – это не слабо. Я что – с кем-то всерьез воевал или собирався воевать? И ведь, судя по сильно воняющим порохом стволам, пострелял от души. Или все-таки это был не я и мне эти пистолеты подсунули в карманы, скажем, после того как из них накануне завалили кого-нибудь во время очередной «заказухи»? Эта версия явно шизофреническая, поскольку использовать для заказного смертоубийства антикварный «Люгер» с его нестандартными девятимиллиметровыми импортными патронами, которые у нас сейчас хрен достанешь, это даже не экзотика, а чистое пижонство. А затем для прикрытия содеянного потом специально торчать на этом дурацком поле (ночью и в дождь!), только для того чтобы подsunуть стволы внезапно потерявшему сознание дурачку-реконструктору? Тогда получается – кто-то заранее знал или даже спланировал загодя весь этот идиотский эпизод с внезапно разбежавшимся экипажем «Т-34»? Нет, о таких вещах лучше вообще не думать, как говорил то ли Нат Пинкертон, то ли Шерлок Холмс, даже если у вас паранойя – это вовсе не означает, что за вами никто не следит...

Так или иначе надо будет поспрашивать имеющих отношение к МВД друзей и знакомых – вдруг где-то в наших краях 22 июня действительно кого-то грохнули из ну очень экзотического пистолета. Хотя моя сформировавшаяся во второй половине 1990-х циничная журналистская логика подсказывала, что, скорее всего, ничего подобного не было. Не для Краснобельска такие понты, у нас и киллеры простоватые, и их наниматели не богатые. Вон с месяц назад у нас в одном не особо удаленном районе при попытке отжать какой-то невеликий семейный бизнес вроде швейного ателье некий орел заказал собственных мать и сестру. Так их обеих банально зарезали за сумму в районе двухсот тысяч рублей (всего-то), без всяких там «Люгеров» и вообще дорогостоящего огнестрельного оружия. Причем и киллер, и заказчик были настолько тупы, что спалились и попались сразу же, по горячим следам. Что тут сказать – провинция-с...

По счастью, в момент, когда я все эти «подарки судьбы» доставал трясущимися руками из карманов, разряжал и прятал в сумку, погруженный в самые невеселые мысли, нежелательных свидетелей вокруг по-прежнему не было. А то тут же заныли бы – Андрей, ну дай посмотреть! И тайне пришел бы конец. Только убрав пистолеты с глаз долой и переодевшись в гражданское, я наконец немного успокоился. Не дай бог мама узнает или хотя бы услышит про неожиданно-негаданно свалившееся на меня оружие, она эти железки терпеть не может...

Как я добирался до города, подробно рассказывать не буду. Все было как всегда – набившись скопом в тесный «пазик» среди разнообразного снаряжения (включая категорически не стреляющий и лишенный «начинки» пулемет «максим», который Лехины орлы таскают на все мероприятия исключительно для антуража), народ в основном дремал. Некоторые дремали обнявшись. Говорить никому не хотелось, тем более что нынешняя задержка была из-за нас, четверых. И мы, хоть и были, что называется, «ни сном ни духом», все-таки ощущали свою вину. Правда, в этом автобусе из «виновников торжества» ехали только я и Дудыптов со своей коханкой. Характерно, что по мере приближения к городу у меня возникли странные ощущения. Так бывает, когда возвращаешься домой после долгого отсутствия. Но какое, спрашивается, «долгое отсутствие», если в обратном направлении мы ехали менее суток назад?

Доехали как обычно до подъезда Лехино клуба, где я с ним и распрощался. После чего взвалил на плечо сумку и пошел на ближайшую остановку, дабы оттуда ехать на городском транспорте к себе, практически на другой конец города.

Однако, пока я ждал автобус и садился в него, настроение у меня несколько испортилось. Потому что я опять увидел Блондинку.

Именно так – «Блондинка» с большой буквы. По крайней мере я ее для себя когда-то давно определил именно так. Природу этого странного явления я объяснить не могу, поскольку я не знаю, кто она, что она и зачем она. Если пытаться объяснить себе хоть не-много логически природу этих ее появлений, можно вполне себе сойти с ума, потому что, как ни крути, получается какой-то бред. То есть, возможно, это такой мой глубоко личный специфический «глюк», уж и не знаю...

А если обратиться к фактам, то получается, что примерно с 1991 года, то есть с довольно сопливого возраста (я тогда еще школу заканчивал), я начал периодически обнаруживать возле себя некую персону женского пола. Может, такие появления были и раньше, только я о них почему-то не помню.

В целом же все происходило и происходит стандартно. Я стою на улице (в помещениях Блондинка никогда не возникала) и в какой-то момент неожиданно утыкаюсь взглядом в некую женщину, которая всегда стоит на расстоянии не более десяти метров и внимательно смотрит на меня, ничего не говоря при этом. И максимальное время этого «сеанса гипноза» – двадцать три минуты, засекал ради интереса.

Говоря о приметах Блондинки, можно сказать, что на вид ей лет тридцать «плюс-минус три-четыре», рост небольшой, тип физиономии европеоидный, черты лица правильные, где-то даже симпатичная дамочка, но сказать, что красавица, не могу. Волосы у нее светлые, по моему, крашенные. Самое же интересное, что хотя пострижена, причесана и одета она каждый раз по-разному (правда, обувь более-менее стандартная, почти всегда каблуки носит), за без малого три десятка прошедших лет она совершенно не изменилась и, что самое главное, не постарела. Интересно, откуда она, вот такая вот, сваливается на мою голову, с того света или из какого-нибудь параллельного измерения, где время течет иначе, чем у нас? Или она вообще киборг в женском обличье? В этом случае невольно вспоминается вселенная «Терминатора», где самые опасные боевые механизмы маскировались как раз под слабый пол, и тут уже возникает невольный страх перед этой самой Блондинкой. Хотя на работа она не похожа. Манеры и мимика у нее вполне себе живые, хотя рожи она, конечно, не корчит...

В общем, каждый раз она возникает словно из ниоткуда и какое-то время внимательно разглядывает меня своими серо-зелеными глазами, ничего не говоря и не пытаясь подойти вплотную.

В самом начале, когда я был куда моложе и глупее, мне как-то казалось, что это просто совпадения. Но потом, когда начал задумываться и сопоставлять, я понял, что женщины с такими приметами, да еще и категорически не меняющейся с годами, не может быть ни среди моих родственников, ни среди знакомых, ни, если задуматься, среди обычных людей вообще. А уж ее переодевания и изменения прически в соответствии с сезоном и текущей модой вообще объяснению не поддаются. Куда логичнее выглядело бы, если бы она не изменялась бы целиком, но, увы. Хотя она же все-таки женщина, а они без периодического переодевания не могут, и ничего тут не поделаешь...

По работе или там, где живу, я даже случайно с подобными персонами тоже не сталкивался, да и не было у Блондинки какого-то конкретного «места привязки», поскольку являлась она мне в самых разных местах.

Тогда спрашивается: откуда она и зачем? Что ей вообще от меня надо? Ответить на это я сам себе до сих пор не могу, сколько ни пытался.

Однако со временем все-таки выявились некоторые странные закономерности. Блондинка появляется не реже двух раз в год, при этом зимой она рядом со мной, похоже, не возникала никогда. Хотя в холодное время года рассмотреть лицо человека, особенно если он сильно тепло одет, всегда сложнее и, возможно, это просто моя невнимательность. Зимой, стоя где-нибудь на остановке, как-то не тянет крутить головой и всматриваться в лица окружающих. Далее: Блондинка возникает только в Краснобельске, хотя и в различных районах города и его

окрестностях. Это я понял со временем, поскольку во время моих, не особо частых и не особо долгих, отлучек за пределы родного города она рядом со мной в других городах и весях не обнаруживалась ни разу. И при этом куда чаще она появляется, если в моей жизни или вокруг, глобально, например в масштабе всей нашей страны, начинает что-то происходить, особенно нехорошее. О некоторых других возможных причинах ее появлений (а они, как оказалось, были), я в тот момент вообще не подумал, поленившись сложить два и два. Как оказалось – очень зря.

Так, по моим наблюдениям, особенно часто я наблюдал Блондинку с 1991 по 1995-й, в 1999–2000-м и после 2012-го. И уж какая тут может быть закономерность – даже не знаю. Кого может интересовать сугубо провинциальный, хоть и известный «узкому кругу ограниченных людей» в столицах и даже за бугром историк и журналист с доходами ниже среднего и не слишком устроенной личной жизнью?

Может, я российский аналог Джона Коннора и в какой-то момент, когда наступит третья мировая война, я вдруг стану «верховным вождем», на том простом основании, что меня зовут Джон Коннор, возглавлю и поведу человечество куда-то? Кстати, а куда поведу-то? Стоит ли при таком раскладе вообще сражаться с роботами за радиоактивные руины безнадежно погибшего мира? Кому это станет нужно, да и будет ли кому сражаться? Кстати, никто почему-то не обращает внимания на то, что у создателей вселенной «Терминатора» всякая логика отсутствовала с самого начала. Допустим, этот самый, контролировавший все системы вооружения США суперкомпьютер (ну, или целая сеть компьютеров) «Скайнет» осознал себя разумным (то есть у него таки прорезался пресловутый «искусственный интеллект»), после чего вместо того, чтобы считать наиболее выгодные варианты возможной войны с русскими или китайцами, взял да и долбанул со всей дури по всему человечеству сразу, начав с самих американцев (вроде бы он осерчал после попытки его отключить?), а потом принялся еще и методично зачищать тех, кого не добил ядерной войной и ядерной же зимой, да еще и создавая для этого самодостаточные, самовоспроизводящиеся, да еще и почти разумные системы вооружения. И, допустим, замочат Терминаторы всех людей на планете, начиная с Сары и Джона Коннора и кончая распоследним, дефективным грудным младенцем откуда-нибудь из Центральной Африки, – и что дальше-то? Планета остается без людей, а «Скайнет», выполнив боевую задачу, переходит в спящий режим ожидания? Не иначе как в расчете на появление новых угроз и противников в лице пришельцев из космоса или, к примеру, постепенно обретших разум дельфинов, поскольку на истребление обитателей морских глубин означенный «Скайнет» изначально вроде бы не был заточен? Ведь победа над кем-то всегда совершается как раз ради того, чтобы делать что-то, хоть немного позитивное, потом, после нее. А в случае «Скайнета» это получается просто война ради войны, вообще без какой-либо четкой цели, то есть выходит, что машинный разум интересуется не конечный результат, а сам процесс... Хотя, с другой стороны, а чего можно ждать от сбрендившего суперкомпа? Нет, все-таки лучше о таких вещах вообще не думать, поскольку это уж точно клиническая шизуха, тем более что мессия планетарного масштаба из меня как из промокашки балерина...

Конечно, когда количество неожиданных встреч с Блондинкой постепенно перевалило за несколько десятков, я начал понимать, что это все явно неспроста. Тем более за мной можно было спокойно наблюдать, не обнаруживая себя, умный человек именно так бы и сделал. А вот Блондинка, наоборот, слишком явно и упорно демонстрирует свое присутствие. Интересно – зачем? Чтобы когда-нибудь потом я в случае чего не испугался и не начал делать глупости при встрече с ней? Но что это в таком случае должна быть за встреча? Предполагать-то в этом случае можно все что угодно, но стоит ли лишний раз ломать извилины? Ведь ясно только одно – ей явно что-то от меня надо. И если не надо сейчас, значит, понадобится когда-нибудь потом. И она, как та мина, ждет своего часа...

Не скрою, я много раз пытался подойти к ней, но ровно в тот момент, когда я начинал двигаться в ее сторону, время словно замедлялось – странная женщина делала пару шагов в сторону, а потом словно исчезала, как будто ее и вовсе не было.

Несколько раз Блондинка появлялась в моменты, когда я стоял на улице вместе с приятелем или приятелями. И потом я спрашивал чисто для очистки совести – видели ли они что-нибудь? И, что самое интересное, приятели говорили, что вроде бы да, кто-то в том месте, на которое я указывал, стоял, и даже соглашались, что это была женщина. Но вот подробно очевидцы ни разу не смогли ее разглядеть. То есть ничего конкретного, кроме подтверждения самого факта ее присутствия. Это-то меня и настораживало больше всего. Ладно бы, если бы Блондинку видел я один, но раз ее видели и другие – значит, это точно не бред и не глюк, а нечто материальное. Правда, тот факт, что рассмотреть ее мог я один, неприятно удивляло еще больше...

Хотя появления Блондинки никогда не оборачивались для меня ничем плохим, так что все это было более чем странно. Чего она меня рассматривает? Проверяет, жив я или помер? Так для этого не обязателен столь близкий визуальный контакт. Конечно, отчасти я все-таки был склонен списывать все это на расстроенную психику (а у кого она в нашей стране, особенно у тех, кто пережил 1990-е, не расстроена?), но идти с этим к врачам так и не собрался, еще признают психом на ровном месте. У них это запросто...

В общем, Блондинка не появлялась с прошлой осени и вот вдруг возникла на пустынной утренней остановке, в облике банковской служащей, бизнес-вумен или что-то ее типа этого – узкая юбка до колен, белая блузка, черные туфли на небольшом каблучке и с сумочкой через плечо. Интересно, откуда она могла выскочить в таком прикиде, в воскресенье, да еще и в восемь часов утра? Как обычно, она какое-то время стояла на остановке и смотрела в мою сторону. И при этом, что характерно, улыбалась, понимающе и, возможно, даже одобрительно. Это меня поразило больше всего, поскольку до этого, за все эти годы, я на ее лице ни разу ничего подобного не видел.

Впрочем, поразился этому я как-то лениво и даже не попытался двинуться в ее сторону, поскольку устал. Поэтому я просто дождался, когда подошел мой автобус. Затем залез в него и, уже садясь, видел, что Блондинка все так же стоит на остановке и улыбается. Далее я отвернулся от окна на секунду-другую, глянул – а ее уже нет. Растворилась. Мираж-дымок-видение... Блин, мало мне было проблем, так теперь еще всплыла и эта, старая, загадка, которая почему-то всегда возвращается, неотвратимо словно бумеранг, Будулай, джедай или домовенок....

Так или иначе это ее очередное появление в сочетании с улыбкой и вчерашним происшествием меня особо не обрадовало. Хотя, надо признать, и не насторожило.

В общем, когда я наконец вышел на своей остановке, меня практически умилил запущенный памятник товарищу Серго Орджоникидзе. Кстати, у нас в городе уже никто толком и не помнит, чья это статуя – стоит себе некий кавказец в сапогах и френче, но на Сталина не похож, и иди разбери, кто это, пока надпись на памятнике не прочитаешь. И даже тот факт, что чугунный Серго стоит прямо перед входом в бывший ДК своего имени (там давно уже никакой не Дворец культуры, здание передано местному мазутно-нефтегазовому универу под аудитории – своего рода примета времени), а наш район носит его имя, для большинства краснобельских пейзажей решительно ничего не проясняет.

И опять родной город меня практически умилил, словно я в нем очень долго отсутствовал. Интересно, с чего это опять?

А между тем все было как всегда. Ранним воскресным утром машин и народа на улицах практически не было, только у моего дома навстречу попался чмошного вида парняга, который постоянно выгуливает в очень странное время (например, очень рано утром или на ночь глядя) своего очень красивого пса породы «аляскинский маламут» у нас на квартале.

Родители с пятницы торчали в огороде и скоро возвращаться не собирались, поскольку летом в нашей тамашней «берлоге» на относительно чистом воздухе иногда куда комфортнее, чем в городе. Тем более что комаров в начале лета хватает и там и здесь. Позвонив им, я понял, что моя задержка во Вторпятово их совсем не насторожила, поскольку я о такой возможности предупреждал. А раз так – рассказывать никаких подробностей я пока не стал, дежурно отпартовав, что приехал и у меня все нормально, жив-здоров.

Моясь затем в ванной, я с удивлением обнаружил, что за эту ночь я несколько отощал (интересно, как это могло случиться?), слегка изменил прическу (этот факт как раз в глаза сильно не бросался, поскольку я всегда стригусь довольно коротко, но, посмотревшись в зеркало, я это для себя невольно отметил), а кроме того, узрел у себя несколько шрамов, которых не было раньше, – на левом плече и руке и справа, на бедре. Обдумывать это я не стал, поскольку, честно говоря, уже ничего не соображал. Помывшись, я переоделся, пожевал чего бог послал и немедленно завалился спать.

Соответственно, содержимое сумки и карманов моего нового комбинезона я разобрал только вечером, проснувшись через несколько часов. Заранее настраиваясь на любые сюрпризы. И они не замедлили воспоследовать.

Итак, в одном кармане гимнастерки обнаружили награжденные документы на весь тот иконстас, что висел на моей груди. Сами ордена, медали и значки я сразу же отцепил от гимнастерки и сложил в ящик шкафа. Все орденские книжки были выписаны на некоего Потеряхина Андрея Васильевича, сержанта, а затем старшего сержанта.

В другом кармане вместо вполне ожидаемой красноармейской книжки обнаружилось удостоверение личности – слегка потрепанная красная книжечка. Открыв его, я испытал нечто вроде дежавю. Разумеется, на вклеенной в удостоверение фотографии, обнаружилась моя несколько угрюмая физиономия. В гимнастерке с воротником-стойкой, погонами старшины и теми же самыми четырьмя правительственными наградами на груди. Что называется – влип по самое не могу. Интересно, как это могло получиться?

А вот фамилия, имя и отчество в удостоверении были не совсем мои – Потеряхин Андрей Васильевич, год рождения – 1916-й. Имя и отчество совпадали с моими, а вот фамилия и тем более дата рождения были абсолютно левыми.

Обозначенное в удостоверении звание – старшина. Должность – «водитель-испытатель». Место службы – «Особая группа материально-технического обеспечения № 115 Третьего Спецтехотдела при ГАБТУ БТ и МВ КА». То есть насколько я понимаю в сокращениях времен Великой Отечественной – при Главном автобронетанковом управлении бронетанковых и механизированных войск Красной Армии. Очень интересно, какой-то непростой старшина этот Потеряхин, то есть, надо полагать, я. Что еще можно было понять и почерпнуть из этого удостоверения личности? Да ровным счетом ничего. Только то, что выдан документ был 2 ноября 1944 года и подписан был неким «Зам. начальника управления кадров БТиМВ КА генерал-майором Г. Сазоновым». Еще там была подпись означенного генерал-майора и печать. И все. Ничего более.

В то же удостоверение были вложены аккуратно свернутая вчетверо бумага и фотография. Развернув бумагу с машинописным текстом, я не без удивления прочитал, что старшина Потеряхин А. В. в составе особой группы выполняет специальное задание в интересах высшего командования Красной Армии в полосе наступления 1-го Белорусского фронта. Всем командирам воинских частей предлагалось оказывать подателю сего всемерное содействие по первому его требованию. Бумага была выдана 12 апреля 1945 года, подписана начальником штаба 1-го Белорусского фронта генерал-полковником М. С. Малининым и украшена парой казенных печатей. Интересно, какие это специальные задания мог выполнять водитель-испытатель в полосе наступления 1-го Белорусского фронта в самом конце войны? В голове это как-

то плохо укладывалось, и на ум не приходило ничего, кроме какого-нибудь осмотра и учета подбитой техники противника.

Фото оказалось не особо затертым поясным снимком на толстой унибромовской бумаге. С фотографии улыбались пять человек. В центре был симпатичный мужик с мужественным лицом в командирской фуражке и с новенькими погонами майора на гимнастерке с отложным воротником. На груди у мужика были ордена Красной Звезды и Боевого Красного Знамени. Справа от майора улыбалась круглолицая девушка вполне милого облика, в темном берете с пятиконечной звездой и узкими светлыми погонами с тремя звездочками, одним просветом и эмблемами танковых войск (надо полагать, старший техник-лейтенант) на новой гимнастерке с воротником-стойкой. На груди у девушки был орден Красной Звезды и медаль «За отвагу».

А позади майора и старлейтши стояли три мужика, старательно пытавшиеся изобразить на своих лицах типичную фотографическую «улыбочку». Один, справа, – в комбинезоне с темными пятнами на рукавах и в пилотке. С небольшими пижонскими усиками, которые делали его слегка похожим на актера Бориса Бабочкина (того, который Чапаева играл в одноименном старом фильме). В центре стоял совсем молодой курносый парняга в низко надвинутом танкошлеме и ватнике, а вот справа просматривалась несомненно моя (или похожая на мою), несколько усталая, но старательно улыбающаяся рожа, в мятой пилотке со звездой и расстегнутым ватнике. Под ватником просматривалась гимнастерка с расстегнутым отложным воротником, но уже без петлиц. Позади данной «скульптурной группы» немного не в фокусе просматривалась шестигранная башня танка «Т-34–76», выпуска самое раннее 1942 года, с белой надписью «Уральский металлург» и крупно нарисованным номером «06», а также какие-то деревья с минимумом листвы. На обороте фото имелась сделанная аккуратным почерком (синими чернилами, явно перьевой ручкой, теперь так уже давно никто не пишет) надпись:

«Андрей! Помни Еблышкино!»

Плюс дата (по-видимому, съемки) 2.05.1943 г. и неразборчивая, замысловатая, подпись. Первые буквы «Ник...», то ли «Никитин», то ли «Никишин», а может быть, «Никифоров» или что-то типа того. Кроме этого, в левом набедренном кармане моего неожиданно обретенного этой ночью комбеза была сложенная карта. Карта оказалась крупномасштабной (чуть ли не трехверстной), советского производства, отпечатанной типографией при Управлении геодезии и картографии РККА в сентябре 1940 года. На карте был отображен кусок территории Германии, как я понял после некоторых размышлений и сопоставлений с имеющимися у меня географическими атласами, где-то в районе бывшей границы между ГДР и ФРГ. Местность между Цербстом и Магдебургом, с рекой Эльбой и несколькими дорогами и мелкими городишками. На карте имелось несколько торопливых карандашных отметок. Так, город, обозначенный как Нордлинбург, был зачем-то обведен красным карандашом. Чуть в стороне от него стояло два крестика, подписанные как «замок» и «аэродром». Восточнее этих отметок был нанесен карандашный пунктир с надписью «линия бс на 1 мая».

Ну и что это все, спрашивается, значит? Что за фигня? Ладно, допустим, теперь я знаю, что в те давние-давние годы существовал очень похожий на меня внешне некий старшина-танкист по фамилии Потеряхин, кавалер четырех правительственных наград, который воевал на советско-германском фронте (в том числе, надо полагать, и под каким-то Еблышкином, про которое он должен был зачем-то помнить) как минимум с мая 1943 года и, судя по всему, практически до самого конца войны. И что мне дает осознание данного явного факта? Как говорится, ни жарко ни холодно. И хотя вещи, документы, награды и оружие этого самого Потеряхина прошлой ночью каким-то образом оказались у меня, прямо отождествлять себя с этим странным старшиной мне в первый момент даже и не пришло в голову, но уже буквально через несколько минут в моих мозгах что-то, как выражаются нынешние тинейджеры, «тыркнуло».

И я вдруг сказал себе – стоп! Потеряхин. Старшина. Хоть убей, но это что-то знакомое. Где-то я эту фамилию и это звание именно в таком сочетании уже слышал, причем неоднократно.

После этого я практически инстинктивно полез в нижнее отделение одного из своих книжных шкафов, где по давней привычке храню всевозможные бумажные записи и материалы, которые считаю достойными внимания, но пока еще никак не использовал в своей работе, ни журналистской, ни исторической. Это у меня бывает по разным причинам – либо руки не доходят, либо оказывается, что кто-то где-то про это уже писал, либо собранного материала явно недостаточно для написания мало-мальски внятной статьи.

И, немного порывшись в своем архиве, я наконец нашел то, что искал (все-таки профессиональная память великая вещь!), и вспомнил наконец, чем именно словосочетание «старшина Потеряхин» было мне знакомо.

В стандартном прозрачном файле лежала толстая и очень старая общая тетрадь в потрескавшейся от времени буро-коричневой клеенчатой обложке, с сильно пожелтевшими страницами. На тетради даже сохранились наклейки с архивными номерами единиц хранения. Кроме нее, в файле лежало несколько относительно свежих листов бумаги с печатным и рукописным текстом.

А история этой тетради была такая. Уже довольно давно (теперь даже кажется, что это вообще было не со мной, и в другой жизни), а точнее – осенью 2002-го, меня как-то занесло в Москву. Там на одной ну очень узкоспециальной тусовке как раз презентовали только что вышедшую книжку о недавней войне на Балканах, где я выступал одним из соавторов. Книга эта вышла микроскопическим тиражом и прошла, в общем, незамеченной. К тому же я на фоне двух других авторов был еще молод и особо не авторитетен, так что все лавры и интервью достались этим солидным москвичам, Павлуцкому и Бергштейну (кстати, на данный момент оба они уже умерли, хотя, по идее, мужики были совсем не старые), которые сверх всякой меры насовали в книгу своих довольно дурацких выводов и гипотез, смысл которых сводился к нехитрому тезису о том, что каждый, кто будет сопротивляться объединенным усилиям НАТО по насильственному установлению всеобщей «демократии», непременно получит по рогам и будет прозябать в ничтожестве, примерно как сербы. Хотя, тогда по-другому писать было еще не принято, ибо считалось, что добрый и демократический Запад нас завоюет буквально вот-вот или мы сами «дозреем» и упадем им прямо в руки, как осеннее яблочко с ветки. Ну а мне спасибо, что хоть какие-то деньги потом выплатили.

Ну да и не в книге дело – как раз там я, было дело, в очередной раз пересекся с еще одним своим столичным знакомцем и коллегой по ремеслу Димой Пчелиным. Как и многие московские историки, Дима тогда не бедствовал, ибо какой-то солидный заграничный «гуманитарный фонд» подрядил его в числе прочих на сочинение «правдивой версии истории Великой Отечественной войны». Учитывая, что фонд был довольно мутный, немецко-нидерландско-американский и больше интересовался не какой-то там отечественной военной историей прошедших времен, а, как у них там водится, «гонениями на свободомыслие, оппозицию и геев» в современной России, мне лично такая задача представлялась абсолютно неподъемной. Но валюту в виде грантов и прочих выплат этот фонд выдавал исправно, и Дима в те годы был вполне себе «в шоколаде» и жил практически на широкую ногу. К тому же, как москвич в третьем поколении, Дима имел в активе еще и расположенную в престижном районе (чуть ли не в какой-то высотной «сталинке») квартиру покойной бабушки, которую сдавал за нехилые деньги. Он тогда работал сразу в нескольких непьющих местах (куда был пристроен, как я понял, по великому благу), включая какой-то ведомственный или военный архив (какой именно – он тогда не сказал, а я как-то постеснялся спросить, а из штампов на документах понять это было нельзя), и мне надо было получить с него несколько выписок из архивных дел и мелких уточнений из тех же архивов, о которых мы договаривались заранее.

Все знают, что московским историкам, особенно тем, которые с военной темы не слезают, всегда проще добывать информацию, чем нам, провинциалам, даже в нынешний век Интернета. Хотя тогда Интернет только начинался. Разумеется, помогал Дима мне отнюдь не бескорыстно, его тогда как раз интересовали материалы по истории нашего, Краснобельского, авиамоторного завода, и я ему наковырял в местных архивах кое-что действительно интересное из времен 1941–1948 гг., то есть первых лет истории завода – по собственно производству и динамике изменений кадровой ситуации на предприятии.

Короче говоря, при той нашей встрече Дима сказал, что у них сейчас активно чистят архивы. Тогда времена такие были, самый пик и расцвет по части искоренения в московской городской черте оставшихся еще с советских времен промышленных предприятий и различных контор, с последующим их сносом и возведением на их месте элитного жилья – при московских конских ценах на землю под застройку это вполне понятная тенденция, которая сохраняется и по сей день.

В общем, из-за этого возникла необходимость «резкого сокращения площадей под хранение документов», и разные «второстепенные и сомнительные бумажки» они там у себя решили либо перевести в электронный вид (то есть отсканировать), либо просто «списать и утилизировать».

Это тогда тоже была своего рода «примета времени», поскольку до нынешних реалий с «Бессмертным Полком» и прочим было еще ой как далеко, а Великая Отечественная война по-прежнему представлялась кое-кому «одним из наиболее кровавых проявлений преступного коммунистического режима» и «неприкрытой сталинской агрессией, направленной на захват половины Европы». В общем, мы заехали к Диме домой, и он неожиданно устроил более чем нехарактерный для прижимистого столичного жителя «аттракцион неслыханной щедрости» – подарил мне широким жестом пачку архивных документов, которые у них уже успели списать на последующую утилизацию.

Мол, возможно, хоть ты их к чему-нибудь применишь, все равно же выбросят. Среди документов была и эта коричневая общая тетрадь. Дима сказал, что с ней связана довольно странная история, которая, по его мнению, не стоит выеденного гроша и ломаного яйца. Некие советские солдаты нашли эту тетрадь в разбитом танке (причем танк вроде бы был немецкий) во время сбора и утилизации подбитой вражеской техники в районе того самого немецкого Нордлингбурга в июле 1945 года, то есть вскоре после окончания войны, в момент, когда после Потсдамской конференции только что устаканивались линии разграничения между союзными оккупационными зонами в Германии. Нашедшие были ребята дисциплинированные и сдали тетрадь в разведотдел Группы советских оккупационных войск, но там с ней, судя по всему, ничего не делали, поскольку уже в январе 1946 года тетрадь была сдана в архив, где она и лежала, никем не востребованная, вплоть до момента списания. Во всяком случае, Дима сказал, что в архиве эту тетрадь с 1946-го ни разу не брали для просмотра или каких-то выписок.

Вроде бы это был некий дневник (а ведь в военное время дневники вести категорически не полагалось, и не только в Красной Армии – если бы кого-то в те времена с этим застукали, вполне могли и под суд отдать), автором которого значился некий старшина А. В. Потеряхин, чья фамилия значилась на последней странице. По характеру это были разрозненные сумбурные записи, за период примерно 1941–1945 гг. Точнее сказать было сложно, поскольку записи обрывались на полуслове и против многих из них, особенно в начале тетради, не стояло вообще никаких дат. Записи в тетради делались простым и химическим карандашом или различными чернилами, почерк был очень мелкий, убористый и крайне неразборчивый. Из-за этого Дима даже не пытался вчитываться в содержание дневника, просмотрев только по десятку страниц в начале и конце тетради. То есть практически это был некий аналог пресловутого «Дневник штурмана Климова» из известных почти всем (если не книге, так хотя бы по двум кинофильмам) «Двух капитанов» В. Каверина...

Последняя запись в тетради вроде бы была датирована 6 или 7 мая 1945 года и обрывалась на полуслове. По логике вещей, как предположил башковитый Дима Пчелин, выходило, что этот самый Потеряхин должен был погибнуть в последние дни войны, где-то у все того же Нордлингбурга, где его дневник потом и нашли.

Но получился занятный казус. Оказалось, что, согласно заокеанским данным, район Нордлингбурга в начале мая 1945 года первоначально был занят частями 9-й американской армии и оставлен ими уже после окончания войны в Европе, когда Германию разделили на те самые оккупационные зоны. Причем американские историки везде писали и пишут о том, что в самом конце войны у Нордлингбурга передовые части их наземных войск натолкнулись на «упорное сопротивление» каких-то разрозненных немецких частей (предположительно из Ваффен-СС), которые явно не желали сдаваться. Поскольку врать янки всегда умели (да и сейчас умеют) здорово, я лично предположил, что какое-нибудь американское разведподразделение тупо напоролось, скажем, на батарею чудом уцелевших штурмовых орудий или на каких-нибудь сумевших занять оборону и решивших красиво умереть за помин души фюрера фанатичных сопляков с фаустпатронами из «Фольксштурма», после чего американское командование явно застерило. Во всяком случае, судя по их же «историческим исследованиям», американцы тогда вызвали авиацию и три сотни «Летающих крепостей» в сопровождении примерно такого же количества «Мустангов» и «Гандерболтов» нанесли по указанному району массированный удар, после которого перемешанный с землей Нордлингбург с окрестностями был занят американцами уже практически без боя.

Наши историки про этот эпизод конца войны всегда писали как-то невнятно, то есть, судя по всему, никаких наших войск, а уж тем более какого-то отдельно взятого старшины Потеряхина там не должно было быть.

Более того, не читавший дневник, но профессионально дотошный Дима не поленился и проверил в архивах списки павших и живых и выяснил, что в составе частей 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронта, наступавших на этом направлении и окруживших Берлин с юга, вообще не было никого, чьи инициалы соответствовали бы «Потеряхин А. В., старшина». В документах нашлись три десятка Потеряевых, два десятка Потеряшкиных, по несколько Потерянных, Потеряхиных, Потерухиных и прочее. Потеряхиных он выявил всего двоих, но у обоих категорически не совпадали инициалы, воинские звания и прочие мелкие детали. При этом один из них, Потеряхин Петр Никодимович, был пехотным рядовым из 75-й гвардейской стрелковой дивизии и погиб на Одере еще 14 апреля 1945 года, причем, судя по найденным Димой данным, похоронен он был в братской могиле на польском, восточном берегу Одера (ну или, если хотите, Одры, как эту реку именуют пшеки), а второй, Потеряхин Лев Лазаревич, был и вовсе подполковником из ветеринарной службы 1-го Украинского фронта и, судя по всему, вообще близко не приближался к передовой. То есть ни первый, ни второй ну никак не могли оказаться в указанное в дневнике время у этого самого, чертова Нордлингбурга. Собственно, лежавшие в файле с тетрадью старшины свежие бумажки как раз и были невеликими плодами этих самых Диминых поисков и сопоставлений.

В общем, Дима тогда решил, что это все явный фейк и ерунда (и, по его мнению, в 1946-м неизвестные чины, сразу же сдавшие тетрадь в архив, видимо, подумали точно так же), а Димино архивное начальство сочло, что хранить далее, а уж тем более сканировать этот странный, никому не нужный дневник точно не стоит. Потому он мне эту тетрадь и подарил, сказав: «Ты у нас журналист, человек пишущий, может, разберешь эти закорючки и каракули и хоть что-то поймешь с этой «загадки природы».

В общем, я сказал ему спасибо, но благополучно забыл об этом, поскольку тогда было много других дел. Хотя, помнится, вернувшись домой, я все-таки бегло пролистал тетрадь и убрал ее в шкаф. Туда, откуда я ее сегодня и достал.

Кстати говоря, потом мы с Димой серьезно разосрались. Сначала грянул очередной экономический кризис и гранты ему платить постепенно перестали, да и сами грантодатели потом попались чуть ли не на прямом шпионаже. Затем, прямо накануне нападения грузин на Южную Осетию, он ни с того ни с сего вместе с какими-то американцами выступил как один из авторов вышедшей в Англии сомнительной и несвоевременной книжонки «Georgian Air Force – Wings of Freedom», за которую он сразу же, совершенно закономерно и ожидаемо, поимел полную попу огурцов. Может быть, по этой причине, после 2008 года, Диму особенно резко шатнуло в сторону всей этой пресловутой «болотной демократии» и «пятой колонны» и из вроде бы относительно критически воспринимающего как прошлое, так и настоящее человека и думающего историка (пусть и очень среднего по столичным меркам) он быстро превратился в озлобленного псевдооппозиционного блогера, который по сей день с пеной у рта борется с «мерзостью, серостью и тупостью тоталитарной и имперской власти, окопавшихся в Кремле паразитов». Беседовать с ним на любые темы теперь совершенно бесполезно, поскольку Дима всегда сворачивает любой разговор или переписку во все том же привычном для него направлении. Именно поэтому уже лет шесть мы с ним вообще не общаемся, пусть даже в виде взаимной ругани с соцсетях.

А вот теперь что же – выходит, что все логично? Ведь получается, что если этот старшина Потеряхин А. В., как явствует из удостоверения личности, числился в некой «особой группе» при Спецтехотделе ГАБТУ БТ и МВ Красной Армии, то он и не должен был значиться в списках личного состава и потерь фронтовых частей, поскольку он в них и не служил. А раз так – Дима тогда искал совсем не там. А вот теперь мозаика неожиданно сложилась...

Я сел за свой письменный стол, включил лампу и, на всякий случай вооружившись сильной лупой, открыл тетрадь. Ну что сказать – почерк у старшины Потеряхина был тот еще...

И вот здесь меня словно чем-то ударило по голове. Стоп! Минуточку! В почерке сгинувшего старшины было что-то явно знакомое. Что именно? Блин горелый?! Да это же мой почерк?! Ну точно, он, родимый, изрядно испорченный институтскими лекциями и репортерскими заметками в блокнотах, сделанными где попало, на коленке...

И после понимания этого упрямого факта с моих глаз словно упала пелена, и я осознал, что я, Андрей Черников, и неведомый, сгинувший в далеком 1945-м, старшина Потеряхин – одно и то же лицо... И записи на пожелтевших тетрадных листках вдруг сразу стали понятны и легко читаемы. Ох и помотало же меня за одну-единственную июньскую ночь... Короче говоря, чтение обещало быть долгим и увлекательным...

Фронтальная тетрадь старшины Потеряхина

Запись 1. Имперский бронеход

19 октября 1941 года. Где-то между Наро-Фоминском и Серпуховом. Западный фронт. Московская область. СССР.

* * *

*«А оно мне надо?!»
Один из главных, типично российских риторических вопросов*

... Вот иди пойми. Вроде только что ехал себе на жестком остатке сиденья стрелка-радиста в старом и давно обезоруженном «Т-34–85» и никого не трогал, было спокойно, жарко и душно, воняло соляром и выхлопным газом – и на тебе. Ведь я накануне не то что какой-нибудь расширяющей границы сознания охуяски, но даже и банального пивасика не употребил...

И вдруг ни с того ни с сего на меня словно упала полная темнота, а вокруг совершенно неожиданно стало сыро и очень холодно.

Первой пришедшей в голову мыслью было здоровое предположение о пошлой шуточке «собратьев по экипажу машины боевой» (бравая реконструкторская братия просто обожает подобное, особенно в те минуты, когда им нечем заняться, а поржать охота) – я вполне мог задремать в процессе движения, а остальная троица, увидев это, могла остановить танк, вытащить меня наружу, уложить в ближайшую образовавшуюся после недавней грозы лужу и ждать, что из этого выйдет. С них станется...

Я попробовал открыть глаза и с ужасом обнаружил, что лежу вниз лицом в воде, попытался вдохнуть и точно – хлебнул этой дряни и начал задыхаться. Причем вода была буквально ледяная, аж зубы заломило (это откуда же она такая взялась в конце июня?) и довольно грязная. Мгновенно осознав вполне реальную возможность захлебнуться, я резко вскочил. С меня потекло буквально ручьями. Сапоги заскользили в грязи. Открыв глаза, я понял, что на мне, похоже, нет ни одной сухой нитки, а воздух вокруг такой же холодный, как и вода, в которой я только что лежал. Очень интересно – с чего бы это вдруг? Эти проклятые бабуины-юмористы из нашего «экипажа» специально для шуточки где-то нашли ледяную воду посреди лета? Тогда это какая-то очень тонкая и продуманная шуточка, которая к тому же уже неоправданно затянулась...

Вслед за этим я услышал низкий гул. Несомненно, от авиадвигателя или нескольких авиадвигателей, но не вертолет. Выходит, это все-таки Вторпятово? Тогда почему столь резко похолодало? Инстинктивно подняв голову, я увидел то, чего ну никак не ожидал увидеть. В сером пасмурном небе, низко-низко, прямо надо мной пролетел довольно крупный двухмоторный самолет – округлый нос и мотогондолы рыбьих очертаний, длинная кабина экипажа с многочисленными «ребрами» переплетов и торчащим назад тонким стволом пулемета, длинный хвост, желтые законцовки крыльев и двухкилевое оперение. Вне всякого сомнения (чего-чего, а уж по виденным когда-то картинкам и фото дипломированный историк все-таки может художественно определить тип авиационной техники), это был «Мессершмитт Вф-110», гитлеровский истребитель-бомбардировщик времен Второй мировой. Причем самый что ни на есть натуральный – пропеллеры вращались, образуя бледные диски, за самолетом тянулись тонкие темные шлейфики перегоревшего топлива, я четко разглядел серо-зеленый, похожий на щучью чешую камуфляж «сто десятого», цветные буквы и черные кресты на фюзеляже, обведенную белым свастику на килевой шайбе эмблему на носу в виде стилизованной черно-желтой оси,

торчащие из этого самого носа стволы пушек и пулеметов, пустые бомбодержатели под брюхом и даже две круглые головы в темных кожаных шлемах за стеклами пилотской кабины. Мне даже показалось, что пилот, сидевший впереди «мессера», активно вертел башкой, и я вроде бы даже успел увидеть рыцарский крест на ленте у него под горлом. Чуть в стороне держался второй «сто десятый», похоже, почти точная копия первого, которого я толком не рассмотрел.

«Ну и что это за шуточки?» – подумал я, когда самолеты уменьшились, а затем совсем исчезли, растаяв на горизонте. Как человек немного в теме, я вполне твердо знал, что во всем мире сейчас нет ни одного «Vf-110» в летном состоянии, даже одномоторных «сто девярых» сейчас летают считанные единицы, да и то это в основном послевоенные испанские «На-1112» с английскими моторами «Мерлин», из числа тех, что в 1969-м снимались в известном фильме «Битва за Британию».

А уж «сто десятые», которых к концу войны повыбили почти под ноль (не считая каких-нибудь дотянувших до краха Дриттенрайха «ночников») сейчас и в музеях-то большая редкость...

Нет, то есть я помню, что наш неистовый Леха собирался задействовать какие-нибудь авиамодели (он, например, всерьез подумывал о большой, скажем 1/10, модели «лаптежника» «Ju-87») в очередных реконструкциях, но «в перспективе», поскольку в данный момент денег на такие забавы у него точно не было. Пока же, во время летних реконструкторских сборищ, не особо убедительно изображали вражескую авиацию все те же наши, вторпятовские, аэроклубовцы. Но у них был разве что один «Злин-226» (такие в старых советских киноэпопеях обычно изображали «Vf-109»), да разная прочая одномоторная мелочь западного производства, вообще не похожая ни на какие самолеты времен Второй мировой.

Двухмоторных же самолетов во Вторпятово отродясь не было, а уж тем более «сто десятых», которых им точно было негде взять.

Именно в этот самый момент я наконец начал понимать, что со мной происходит что-то явно не то.

По-прежнему было сыро и холодно, и у меня зуб на зуб не попадал. Нет, блин, а куда все-таки делся июнь? Леха у нас что – полубог, наострившийся управлять погодой и временами года по шаманским методикам североамериканских индейцев?!

А между тем ни «тридцатьчетверки», на которой я вроде бы ехал накануне, ни ее «героического экипажа» в пределах досягаемости вообще не наблюдалось. Да и в окружающем меня пейзаже были какие-то откровенно режущие глаз несообразности. Например, где-то рядом что-то горело и ветер тянул над землей сизый дым, одуряюще воняющий горелым топливом, резиной и железом. Вытерев ладонью грязь с лица, я немного осмотрелся. И, скажу прямо, офигел.

Итак, я стоял в грязной, заполненной водой придорожной канаве. Ледяной воды в ней было примерно по колено (по краям канавы вода даже подернулась ледком, то есть, похоже, ночью эта лужа замерзала), и она противно хлюпала у меня в сапогах. Как я уже отметил, я был насквозь мокрый и по уши в грязи. В довершение ко всему ощупывание себя на предмет ран и травм выявило, что мой «бюджетный» комбез не просто намок, но еще и лопнул слева по шву, от подмышки до самого низа, выставляя напоказ голое тело и сырые трусы и тельник. То есть видок у меня был как у той самой, пресловутой мокрой курицы.

А местность вокруг была ну совсем не вторпятовская, даже если и не делать неизбежные поправки на время года. В общем, я находился у обочины сильно разъезженной грунтовой дороги со стоящей в глубоких колеях дождевой водой. Вокруг простиралось необъятное, вспаханное и от того малопроезжимое поле – кто пытался хоть раз ходить пешком по мокрой пашне осенью, да еще и в кирзовых сапогах, тот меня поймет. По краям этой самой дороги тянулись редкие мокрые деревья (то ли осины, то ли дубы), уже практически лишившиеся листы. Справа у горизонта виднелся какой-то лесок, тоже серо-желтых, откровенно осенних колеров. В сторону леска тянулись через поле какие-то провода на потемневших деревянных

столбах с белыми фарфоровыми изоляторами, может, электричество, а может, и телеграф либо телефон. Конечно, подобных пейзажей я осенью и в окрестностях родного Краснобельска могу обнаружить сколько угодно. Но с мелкими поправками – уже нигде нет столь древних столбов или опор ЛЭП (кругом бетон да железо), да в привычной реальности будет обязательно нагажено на самом видном месте – пустая пластиковая бутылка (или бутылки), драные пакеты, банки от китайской одноразовой лапши и прочий, похожий и совершенно неизбежный мусор обязательно да попадет в «кадр». А здесь ничего подобного не было и в помине.

Это называется – попал. Причем, похоже, попал во что-то явно неведомое. И дальнейший беглый осмотр окружи явным подтверждением сей нехитрый вывод.

Между тем, на обочине дороги, метрах в пятидесяти позади меня, обнаружили два горящих танка и грузовик – вот откуда несло горелым. Я медленно двинулся в ту сторону, с трудом отрывая от земли ноги в облепленных грязью кирзачах.

Техника стояла вкривь и вкось, скособочившись в колеях. Похоже, водители пытались съехать с дороги и рассредоточиться, но им это не удалось, хотя оба танка сумели съехать с дороги и один из них даже почти сумел переехать придорожную канаву. Судя по паре свежих то ли ям, то ли воронок и валявшимся вокруг машины и танков нескольким трупам в шинелях, ватниках и танкистских комбинезонах, эта маленькая колонна попала под, похоже, неожиданный авианалет. Те самые «сто десятки»? Стоп. Какой еще, блин, в попу, налет?

Но что самое главное – оба подбитых танка были раритетного типа «Т-26» (а их ни с чем другим не спутаешь), а горящий грузовик – полуторкой «ГАЗ-АА».

При этом, подойдя почти вплотную к танкам, я увидел, что один из «Т-26» был стандартный, с 45-мм пушкой и цилиндрической башней с торчащей кормовой нишей, образца 1934 года, а вот второй – с похожей на шляпку исполинского гриба конической башней образца 1938 или 1939 года, да еще и с каким-то торчавшим вместо орудия обрезком короткой и толстой трубы. Я хоть и не сразу, но все-таки сообразил что это, похоже, огнемётный вариант «Т-26» – «ОТ-130» или «ОТ-133».

Осознание этого факта сразу же отмело все еще вертевшиеся в моей голове идиотские утешительные догадки о каких-то там реконструкторских штучках. Ведь танков «Т-26» в наше время наперечет. А уж чтобы их, а в придачу к ним еще и антикварный грузовик, столь безжалостно и реалистично подожгли – это вообще явный перебор. За такое в сектантско-реконструкторской среде просто убили бы на месте. Палкой или любым подвернувшимся под руку тяжелым предметом.

И здесь до меня стало наконец помаленьку доходить очевидное. Выходит, я что – переместился? В какое-то кардинально другое место и время? Как в фильмах и фантастических романах? Господи, ну и зачем мне это надо? Ей-богу, не по вине кара...

Конечно, есть в секте реконструкторов типы, особенно из числа неразумного молодняка, которые считают, что будут как рыбы в воде, окажись они вдруг во времена Второй мировой. Особенно если у них при этом будет работать мобильник...

Однако одно дело – все эти детские игры в коняшки на потеху почтеннейшей публике, в красивой и отглаженной униформе, которую жалко запачкать, а совсем другое – реально влопаться в настоящую войну. Тут все-таки нужен некоторый реальный опыт, который, как известно, не пропьешь. Среди секты реконструкторов людей, хоть немного воевавших, практически нет (не считать же за таковых, например, Генку Шепелева, который в начале 1980-х служил срочную каким-то писарчуком в Монголии и теперь с пеной у рта доказывает всем, что он, видите ли, «тоже воин-интернационалист?»), поскольку человек один раз побегавший с автоматом по афганским или кавказским горам, по ангольскому бушу либо по полям Донбасса обычно не имеет желания заниматься ерундой.

И не скажу, что я сам вполне подхожу для подобного попадания на какую-нибудь войну из прошлых времен. То есть некоторый опыт у меня есть, хотя в целом он на уровне, «при-

ближающемся к нулю». Если не считать нескольких журналистских поездок и командировок в самые разные места, «туда, где стреляют», меня на более-менее настоящую войну заносило раз в жизни и то не надолго, в те времена, когда я служил срочную. Ну, то есть как служил... По-моему, «служил срочную» – это в моем случае все-таки очень громко сказано.

В родную армию я угодил чисто по недоразумению и собственному раздолбайству. Поступил сразу после школы на геофак нашего родного краснобельского пединститута, промотался там без особого толка один семестр и понял – не мое. Именно так, а не как обычно подобное бывало с другими – не приходя в сознание, завалил сессию на почве неразделенной любви или безудержного пьянства и вылетел из вуза как та пробка из бутылки шампанского. В общем, плюнул, забрал документы и ушел (родители, естественно, волосы на себе рвали) и уже на следующий год поступал по новой, причем пытал счастья аж два раза.

Времена тогда были странные, уже не вполне советские, но еще и не совсем «рыночные». Неизвестно откуда свалившиеся на наши бедные головы разные большие дяди с мутными глазами вразбег, непонятно на каком основании, как раз упоенно делили между собой созданную совсем не ими за прошедшие семьдесят три года советской власти прибавочную стоимость. А остальным практически круглосуточно талдычили с голубых экранов и газетных страниц душеспасительные мантры о том, что главное-де уже сделано («проклятый совок» похерен и уничтожен), а дальше наша, якобы беспросветная, жизнь будет с каждым днем только улучшаться, добрые дядюшки из Вашингтонского обкома разом обучат нас свободе, демократии и толерантности, за граница нам поможет буквально во всем, а «свободный рынок» сам собой расставит все по своим местам, после чего всяк сверчок познает причитающийся ему шесток... И ведь очень многие тогда охотно велись на эти шумовые и визуальные эффекты. Тогда гражданам как раз раздали ваучеры (чуть больше года прошло) и начали активно заманивать лохов в разные финансовые пирамиды с целью относительно честного отъема денег, жизнь не стояла на месте...

В общем, все вокруг безудержно и шумно расплозлось в разные стороны и сыпалось в тартарары, но всем при этом было очень весело. Шизофреническая атмосфера тех лет (а это было в первой половине 1990-х), по-моему, прекрасно отражена в известной комедии «Ширли-мырли»...

Во всяком случае, пресловутого ЕГЭ (мероприятия позднее придуманного кучкой энергичных мерзавцев с целью собственного обогащения за казенный счет и ускорения процесса всеобщей дебилизации народонаселения по соросовским лекалам западной, «болванской» системы образования) и платного обучения тогда еще и в помине не было, все экзамены сдавали по-честному, что называется, глаза в глаза, и человек с башкой имел хоть какие-то шансы, тем более что принимавшие экзамены и учившие нас преподаватели тогда тоже еще окончательно не потеряли совесть. Это сейчас их интересует только постоянный приток абитуриентов (особенно на платной основе), что дает штатные единицы и ставки (а значит, прежде всего деньги), а качество выпущенных из вузов дипломированных специалистов уже давно никого не волнует, равно как и то, куда они после этого вуза пойдут, что будут делать и чего есть... Чую, что если мы все в очередной раз погорим, то во многом из-за именно этого обстоятельства...

В общем, с этой самой второй попытки, я в местный Шкабырский государственный университет не поступил (одного балла не хватило, да и как мне потом, пару лет спустя, объяснил за рюмкой чая в теплой компании один юморист из тамошних гладеньких шестерок, для этого уважаемого учебного заведения у меня не подходящие фамилия, национальность и разрез глаз, вот если бы я был каким-нибудь Фаридом Шарипжановым из деревни Месягутово, тогда другое дело, ведь они у себя в универе «выковывают национальную шкабырскую интеллектуальную элиту» – ага, сколько лет уже куют, а все никак не выкуют), а вот на заочное отделение истфака все того педа – легко.

В общем, поступил, сдал установочную сессию, а там меня потянул вовремя вспомнивший обо мне райвоенкомат. Хоть большевиков уже и отменили, обойтись без меня они, как видно, все-таки не могли.

На дворе стояла осень 1994 года. И попал я в 115-й учебный танковый полк, дислоцировавшийся тогда в районе узловой железнодорожной станции Балашлеевка, Приволжский военный округ, географически где-то между Пензой и Ульяновском, и не более шести часов на поезде от нашего Краснобельска. Что я по этому поводу могу вспомнить – в любой военной службе вообще мало интересного. Старые, потрепанные долгой эксплуатацией, потертые танки «Т-72А» самых ранних выпусков, которые были старше меня и прочих тогдашних бойцов-срочников, и еще более древний военный городок с бараками и боксами для техники, многие из которых были построены, похоже, еще в 1930-е годы. И над всем этим – уже вполне осознавшие свою ненужность, задерганные бесперспективностью и лютым безденежьем офицеры и прапорщики, многие из которых, совершенно не таясь, пили все, что горит, и тырили все, что плохо лежит (хорошо жили только несколько человек, имевших отношение к местному складу ГСМ, их в гарнизоне называли «неприкасаемыми» и «золотой ротой»), при относительно малом количестве рядового и сержантского состава. В нашем полку людей и исправной техники тогда едва набиралось на батальон. Хотя мы же были учебной частью, чего с нас взять...

Про все иные «прелести» того периода вспоминать вообще не стоит, они известны всем, кто это время застал. Была тут плохая и очень плохая кормежка (в основном сваренные на воде крупы вроде перловки, которую, пожалуй, нигде, кроме Советской Армии, и нельзя было попробовать, да макаронные изделия, и очень редко – какие-то сомнительные рыбные и мясные консервы, похоже, лежавшие на складах с самой Великой Отечественной), дедовщина и много чего еще.

Однако хотя наши отцы-командиры практически забили болт на службу, меня там все-таки немного научили водить танк и стрелять из него. Разумеется, практически без намека на какую-либо теорию, на уровне «сел-завел-поехал». Мы даже пару-тройку раз пальнули по мишеням на местном полигоне, который, похоже, располагался под Балашлеевкой чуть ли не с конца позапрошлого (XIX то есть) века, когда там стояла какая-то кавалерийская часть.

Но главная наша работа в полку тогда состояла совершенно в другом – по сути, мы были не столько танкистами, сколько грузчиками и специалистами по переноске тяжестей. Дело в том, что в месте нашей постоянной дислокации (благо железнодорожная станция была всего километрах в четырех) большие начальники повелели устроить одну из баз по списанию и утилизации сокращаемой в рамках всяких там договоренностей с НАТО, вроде пресловутых ДОВСЕ, бронетанковой техники. Со станции в наше расположение пригоняли танки, САУ, БМП, БТРы и БРДМы, свозимые, похоже, со всего При ВО, и мы практически с утра до вечера занимались тем, что снимали со списываемых машин все мало-мальски ценное. Это самое «ценное» в виде запчастей сортировалось, грузилось и увозилось, надо полагать, на склады. А раздетые и разутые бронекорпуса потом грузили обратно в эшелоны и увозили, вероятнее всего, в переплавку.

Именно тогда я и стал серьезно и живо интересоваться историей бронетанковой техники и танковых войск, поскольку в те уже давние дни мне довелось полазить по самой разной технике, в числе которой были даже «Т-54» ранних выпусков и ИС-3М. И, кстати говоря, не только полазить – ведь танки на утилизацию приходили хоть и уже лишеными вооружения, радиоборудования и оптики, но, как правило, на ходу. Так что мне посчастливилось и немного поводить некоторые из этих раритетов, правда, недалеко – от железнодорожной станции до забора части.

А в остальном работенка была не дай бог – ворочать и грузить железки на ветру и морозе под дождем и снегом, это вам не фунт изюму. Выматывались страшно, но был во всем этом безобразии и положительный момент – нас по крайней мере не мучили строевой подготовкой...

А под самый новый 1995 год вдруг случился сюрприз. К нам в военный городок пригнали эшелоны только что выведенного из объединившейся Германии 64-го гвардейского, Померанского, Дважды Краснознаменного, орденов Суворова и Кутузова танкового полка, который до того входил в 16-ю гвардейскую, Уманскую, ордена Ленина Краснознаменную танковую дивизию 2-й гвардейской танковой армии ГСВГ и дислоцировался в где-то в немецком Нойштиглице. Под сотню танков «Т-80», полсотни «БМП-1/2» и уйма другой техники, которую, как тот чемодан без ручки, и тащить было лень, и выбросить жалко. Плюс привыкшие к европейской жизни офицерские семьи с детьми, притащившие с собой контейнеры с мебелью и прочими полезными в хозяйстве вещами. Как видно, вывод этого полка из Германии сначала куда-то под Смоленск, а потом и к нам «продумали» неслабые «мудрецы». Хотя тогда таких в нашей армии хватало – лишь бы вывести в кратчайшие сроки, как того требует НАТО, а там хоть трава не расти...

В общем, по прибытии «героических гвардейцев» в нашем военном городке сразу стало тесно и не-уютно, практически «нечем дышать». Чертова прорва ползающего и стреляющего железа, которое вообще некуда было ставить, и ненормальное количество комсостава с их спингрызами, которым негде было жить. Лишних жилых площадей у нас, разумеется, не было, и новоприбывшие офицерские семейства размещались даже прямо в казармах, разгораживая их чем попало, ширмочками и занавесочками. В общем, начался какой-то чистой воды дурдом...

Помню, в том 64-м гвардейском полку была ну очень крутая ремрота, бойцы которой и в глаза не видели танков (вообще то есть никаких), зато за последние пару лет здорово поднаторели по части послепродажного ремонта и тюнинга подержанных автогерманских марок, которые скупало по дешевке, в преддверии грядущего вывода войск, наше высшее офицерство...

Ну и на этом, бледном, фоне поведение отставного авиационного генерала Дудаева вдруг резко перестало нравиться г-ну Березовскому (помните такого?), и наша армия по приказу «великого полководца» Паши-«Мерседеса» полезла штурмовать Грозный. То есть практически начала воевать, хотя тогда это войной и не считалось.

Нас это мероприятие коснулось далеко не сразу. Мы оказались там лишь в начале марта 1995-го – с полсотни бойцов при пяти офицерах и прапорах, четырех «БРЭМ-1» и трех тягачах «БТС-2». И занимались мы там примерно тем же самым, чем и до этого в «месте постоянной дислокации» – собирали и грузили в эшелоны подбитую накануне технику. Естественно, ту, которую еще можно было отремонтировать. А то, что напрочь выгорело с детонацией боезапаса, вывозили уже не мы и в последнюю очередь.

Что тут можно вспомнить? Да, город Грозный тогда разнесли в хлам, и подбитая техника на его улицах действительно стояла, хотя и не так густо, как утверждалось в те времена. Местами тамошние пейзажи живо напоминали чистой воды постапокалипсис, хотя тогда о подобном жанре никто еще толком и не слышал.

Кстати, именно там, насмотревшись на «честную и неподкупную» работу большинства тогдашних журналистов, я и решил, что я, пожалуй, тоже начну писать. Ведь я явно смогу это делать ну никак не хуже большинства из этих продажных сволочей (чему их учили на их журфаках, спрашивается?), но без того откровенного блядства, которым были буквально пропитаны почти все тогдашние публикации и телерепортажи.

То, что у нас тогда почему-то принимали за демократию (то есть фактически вседозволенность и беспредел), явно разлагающе действовало на мозги, да и материальный фактор здесь присутствовал уж слишком откровенно. Именно поэтому журналисты писали и снимали в основном слезливую лабуду о том, как им жалко не только местное население (то есть родителей местных террористов), но и самих бандюков (их тогда именовали «борцами за свободу»

и «повстанцами»), о «мерзости и подлости прогнившей кремлевской власти» и «тысячах сгоревших танков». Подливали масла в огонь и разные маразматические престарелые педики и шизофренички, в одночасье вдруг превратившиеся в «правозащитников»...

Интересно, откуда эти «акулы пера» тогда насчитали там столько подбитых танков? Чуть позже я прочитал в серьезных, выходящих микроскопическими тиражами изданиях вполне реальные цифры наших потерь, хорошо стыковавшиеся с тем, что я видел там лично, с декабря 1994 по конец февраля 1995-го по всей Чечне (а не только в Грозном) – 225 единиц подбитой бронетехники, в том числе всего 62 танка. Не так уж мало, по меркам той же Великой Отечественной довольно незначительные цифры, но тысячи-то откуда? Побойтесь бога... Но ведь не боялись ни бога, ни черта, ни собственной совести.

И никто тогда не говорил и не писал про частично выгнанное прочь, а частично вообще вырезанное еще до осени 1994-го тамошнее русскоязычное население или про то, что было бы, если бы вся эта погань поперла за пределы Ичкерии и Северного Кавказа (не в виде отдельных диверсионных групп Басаева и Радуева, а массово). Ведь они тогда всю Россию кровью бы залили по самую маковку. Но в те времена это было никому не интересно. Мексиканские и бразильские сериалы привлекали явно больше внимания, чем душераздирающие сводки с театра боевых действий...

Ну так вот, хоть мы там и успели насмотреться всякого на всю оставшуюся жизнь, стрелять мне на той войне пришлось всего раза три и ни разу при этом не удалось куда-нибудь попасть или расстрелять хотя бы один рожок из выданного мне «АК-74». Интересно, что при отправке на «контртеррористическую операцию» мне почему-то достался почти новый автомат гэдэ-эровского производства, похоже, из числа оружия, привезенного из-за бугра «героями-гвардейцами» из 64-го танкового...

Вообще все наши тамошние «постреляшки» были какими-то будничными и несерьезными. Там зимы мягкие, но оттого противные до омерзения, вроде бы вокруг и холодно, но снега почти нет и под ногами и под гусеницами все время клейкая грязь хлюпает.

Спали мы где придется, не раздеваясь. И обычно только ляжешь спать, как был, в бушлате и ушанке, с автоматом в обнимку – и где-то в стороне от нас вдруг начинают палить (в нашу сторону на моей памяти стреляли всего один раз, да и то, похоже, случайно). Сразу кругом тревога, шухер, начинают пускать осветительные ракеты и лупить из чего попало во все стороны. Мы, естественно, тоже вскакивали, занимали оборону и начинали стрелять, целясь по чужим вспышкам или трассерам. И заканчивалось все тоже одинаково – на шум обычно прибежал разбуженный офицер или прапор и, перекрикивая автоматный огонь (таких заковыристых выражений я больше никогда в жизни не слышал ни до того, ни после), оравший, чтобы «гребаные ушлепки» (то есть мы) немедленно прекратили огонь.

Собственно, вот и вся моя война. Слава богу, что из нас там тогда никого не убило и не ранило, но все-таки чуток пострадать от войны пришлось.

Четверо бойцов, в том числе и я грешный, во время этой короткой командировки очень качественно простудились. Учитывая условия, в которых мы там были, это совершенно не удивительно. В общем, я заработал серьезное воспаление легких с высокой температурой и прочим.

Поскольку аспирином и добрым словом такое в полевых условиях не лечится, нас четверых отправили в окружной госпиталь, аж в Самару. Нашим родителям это, видимо, сильно прибавило седых волос. Они чуть не померли от ужаса, узнав, что нас отправили в окружной госпиталь, да еще самолетом, им-то было точно известно, где мы в тот момент находились. Естественно, они подумали, что нас там переранило или еще чего похуже...

Надо сказать, что пролечили нас качественно, все-таки военная медицина – это что-то.

Ну, а пока мы валялись в госпитале с разными там хрипами в легких, остальные наши наконец вернулись из Чечни в родной гарнизон, и там на них почти сразу же неожиданно сва-

лился приказ Министра обороны о расформировании 64-го гвардейского танкового полка, а с ним заодно и нашего, 115-го учебного. Так сказать, в рамках «дальнейшей оптимизации и односторонних сокращений». Тогда, да и позже такие ОШМП (организационно-штабные мероприятия) были у московских «паркетных военачальников» любимым занятием.

Ну, а нас, четверых, видимо, для того чтобы с нами больше не возиться, почему-то решили просто комиссовать по состоянию здоровья прямо из госпиталя. Так что в нашу часть мы уже больше не попали и поехали из госпиталя прямо по домам.

В общем, я и сам не знаю, как считать эту мою службу. Вроде в октябре ушел, а уже в мае вернулся, почти здоровый, только сильно отошавший. Всего-то полгода, несерьезно даже по нынешним временам. Причем в моем военном билете факт моей армейской службы зафиксировали так хитро, что теперь невозможно сразу понять, служил я вообще или нет. Тем более что через полгода наш райвоенком, полковник Клебанов, который мне этот самый военный билет выписывал, вообще сел в тюрьму, как видно, вовремя не поделившись с кем надо. Если кто не помнит, в те времена отмазка от срочной службы была бизнесом весьма доходным...

В общем, я про свою армейскую службу предпочитаю помалкивать, тем более что от тех времен уже почти ничего не осталось. Даже в плане материальных свидетельств. Вот как-то недавно вдруг решил посмотреть в Интернете спутниковые снимки района нашей Балашлековки, так там, как выяснилось, даже зданий и барачков не осталось – на месте бывшего нашего гарнизона одно голое поле. Эх, да чего теперь вспоминать...

Однако даже меня с этим самым, невеликим, реальным опытом сама возможность попадания на войну, честно говоря, привела в оторопь. Как повели бы себя другие на моем месте – не знаю и не хочу загадывать. Да и не о других речь.

Нет, то есть я действительно никогда не хотел оказаться на Великой Отечественной, ни за какие коврижки. Поскольку для меня лично там всегда все было более-менее просто и ясно – и кто в кого стрелял, и кто за что (и за кого) воевал. С чисто исследовательской точки зрения мне куда уместнее было бы побывать, например, в 1960-х. Исторические исследования без разнообразной стрельбы и необходимости кого-то убивать всегда привлекали меня несколько больше, чем похождения в стиле ранних произведений Э. Хемингуэя. А 1960-е или, скажем, конец 1950-х всегда привлекали мое внимание. Ведь сколько живу, столько пытаюсь понять, как это люди из вроде бы «восторженного поколения», задумавшие и устроившие тот невиданный цивилизационный взлет, через каких-то двадцать лет вот так, запросто, спустили свою страну и свои недавние дела в нужник. У родителей об этом спрашивать бесполезно – они в начале 1960-х еще довольно мелкими были, а прочие очевидцы сплошь и рядом врут. Тут без осмотра на месте и поллитры не разобраться...

Но вот Вторая мировая – увольте...

И тем не менее место, где я очутился, более всего напоминало как раз именно эту войну. Оставалось спросить себя: ты об этом просил? Ну хоть кого-то? Нет. Второй вопрос: тебя о такой возможности предупреждали? Ну хоть кто-нибудь? Ведь тоже нет...

Ну, и как тогда понимать случившееся? А как угодно. Только и ежику понятно, что весь этот форс-мажор произошел неожиданно и явно помимо моей воли.

И сразу в голове замелькали калейдоскопом киношные и литературные примеры, которых на данный момент набралось уже изрядно. Хотя чего-то, стопроцентно похожего на мою ситуацию, я припомнить как-то не смог.

Ведь в книжках «попаданцы» обычно сразу же натываются на разные нехилые «рояли в кустах», которые позволяют им беспрепятственно и в кратчайшие сроки добраться вплоть до самых верхов и начать раздавать гениальные советы вождям и полководцам (идеальный вариант в этом случае – очухаться непосредственно в теле какого-нибудь вождя и тут же начать «рулить»), правда, в этом случае обычно получается сплошная порнография и «Витя Солнышкин и Иосиф Сталин». Все это обычно выливается в описание выигранной нами в 1943 году

(или выигранной в 1941-м, или в 1945-м, но как-то не так) войны страниц этак на пятьсот, не прочитав которое и до середины начинаешь зевать.

Как вариант – в таких «вариантах» война может быть и проиграна с расчленением и уничтожением СССР и выиграна, но, скажем, без Сталина и Гитлера, или без Гитлера, но со Сталиным, или со Сталиным, но без Гитлера, или... В общем, количество уже известных вариантов развития событий здесь практически как в шахматах – просчитывать все подряд ходы просто голова заболит, если ты, конечно, не Алехин и не Карпов...

И что с того? Да, допустим, я очень много знаю, но что лично мне это дает? Чертеж автомата «АК-47» или танка «Т-90» я все равно не смогу нарисовать, даже если «палачи с Лубянки» будут стимулировать мою творческую активность пинками и мордобитием. Однако что я реально могу предпринять, даже для передачи этой самой информации, которой я владею? Ее ведь нельзя выбалтывать кому попало, мягко говоря, не поймут.

Тогда получается, надо попасть в Кремль или в Генштаб. А как это сделать? Может, вот прямо сейчас из-за поворота вдруг выскочит черный «Паккард» или ЗИС-101 с Жуковым, Поскребышевым, Берией или хотя бы генералом Власиком? И сей лимузин меня (грязного оборванца в рваном комбезе то есть) непременно подберет, и вот тут-то все наконец и завертится... Ау, где вы, генералы, маршалы и наркомы, первые люди государства?! А нету их, не едут что-то... Вот то-то и оно...

Вообще от всего этого можно было спокойно сойти с ума, но по логике относительно нормального человека – если тот, кто всю эту «веселуху» устроил, хотел, чтобы я чего-то сделал, ему все-таки следовало предупредить меня заранее.

Вон у того же Стивена Кинга (которого наши филологи, по слухам, вроде бы презирают, но тем не менее читают, чтобы презирать аргументированно) в «1 1/22/63», был мужик с оказавшимся под рукой порталом межвременного перехода, которого переклинило на теме убийства Джона Кеннеди. Сам он по состоянию здоровья помешать Освальду уже не успел, но зато сумел настропалить на эту задачу другого мужика. Так он этого второго долго уговаривал, просвещал, воспитывал, давал сходить в 1958 год и вернуться в порядке тренировки, да еще вдобавок снабдил справочным материалом относительно вменяемой легендой, документами и деньгами. Чем не жизнь? Конечно, у этого кинговского «Дахау» были и свои «ноу-хау» – этот самый портал был замкнут как во времени, так и на местности (привязан к конкретному году и числу а равно и к конкретному американскому городишке), каждая следующая попытка перемещения во времени практически обнуляла все результаты предыдущей, создавая очередное альтернативное временное ответвление и «раскачивая» основной вариант реальности, а кроме того, прошлое упорно не хотело меняться и даже активно этому сопротивлялось. Да и от судьбы там явно было не уйти. Если и удавалось предотвратить чье-то убийство, при этом все равно погибал кто-то из числа тех, кто в первоначальном варианте оставался в живых. То есть зачастую попытки что-то изменить к лучшему только ухудшали ситуацию – действие рождало противодействие. И это жизнь, ничего тут не поделаешь...

Но меня-то никто ни о чем таком не предупреждал, денег и даже сухих пайков не выдавал и к «исторической роли времяпроходца» не готовил. И именно поэтому я провалился в это мокрое и холодное неудобство абсолютно неожиданно для самого себя сдуру, как с дубу.

Ладно, допустим, что я действительно попал куда-то помимо своей воли. Тогда у этого моего «попадания» явно должна быть хоть какая-то внятная цель. Но какая именно? Вот тут-то и начинается самое интересное. Раз заранее ничего не было известно и объяснено, значит, что, как в той старой песне – «Милый мой, хороший, догадайся сам»? По ходу пьесы? А чего гадать-то? Какие у меня вообще могут быть варианты?

Что тут припоминается? Разумеется, первым делом в памяти всплывает самое худшее. Например, наше «Зеркало для героя» или импортные «День сурка» и «Грань будущего».

Сюжет, когда время клинит и человека запирает в одном-единственном дне, который повторяется бесчисленное количество раз.

В «Грани будущего» повторялся один и тот же эпизод, но там шла неслабая война с пришельцами, и героя предварительно окатило кровушкой дохлого инопланетянина, да к тому же для нового повторения цикла героя надо было каждый раз убивать – для таких, как я, это, пожалуй, слишком сложно. Да и с пришельцами выйдет явный перебор...

А в «Дне сурка» мужик вроде бы проторчал в одном и том же дне никак не меньше десяти лет. Нет, для меня этот вариант – полная жопа. Хотя надо все-таки следить, не заклинит ли время?

Но тут все как раз просто. Если солнце сядет, а поутру я опять окажусь мордой вниз в этой же луже, значит, именно так оно и произошло, тут не ошибешься... Кстати, а может, пресловутая «точка пространственно-временного перехода» в этой самой луже и находится? Взять да попробовать с разгону нырнуть туда, вдруг да выплыву по «реке времени» обратно, во Вторпятово? Хотя это навряд ли, пример, что называется, затасканный, помнится, в первой части «Мы из будущего» тоже как раз с помощью озера сквозь время ныряли, но опять-таки не просто так, а при соблюдении некоего «комплекса факторов и обстоятельств» – тот озерный портал тоже работал вовсе не в любое время...

Так что не все так просто. Тем более что до захода солнца еще надо дожить... Хотя, по идее, при заклинивании времени алгоритм в общем-то должен быть прост и понятен, надо раз за разом проживать этот повторяющийся день и пытаться изменять себя и окружающих в течение этого дня (желательно все-таки к лучшему), и тогда тебя рано или поздно пожалеют. Время наконец сдвинется, и тебя выкинет назад, в «точку отбытия». Что тут еще скажешь – этот вариант долгий и нудный, рассчитанный на почти бесконечное делание добра.

Ага, интересно, много ли успеешь сделать этого самого добра во время войны, когда все горит и рушится на фиг? Да не смешите...

Хорошо, а если принять за основу тот факт, что время все-таки не заклинило и все вокруг течет вполне себе линейно, – что мне это дает?

Вариант, конечно, несколько лучше того, что был у Билла Мюррея, но тоже отнюдь не сахар. Ведь я все равно должен буду что-то такое сделать. Важное. Помнится, Штирлиц страдал пастора Шлага, сказав, что может поручить ему взорвать кирху. Пастор в это не поверил. Соответственно, я тоже не думаю, что кто-то неведомый, организовавший это, станет поручать мне убийство Гитлера, Сталина, Рузвельта, Черчилля, Муссолини или императора Хирохито либо, скажем, сорвать «Манхэттенский проект». Должны же эти «шутники» понимать, что это уж точно не мой масштаб... Понятно, что когда-нибудь мне, конечно, скажут, зачем я здесь. Не могут не сказать. Хотя, видимо, это произойдет не сразу, раз уж меня заранее не предупредили и даже не удосужились спросить, хочу ли я этого.

А раз такое дело, мне придется как-то приживаться тут на какое-то время. И терпеливо ждать, поскольку характер моей миссии здесь совершенно неизвестен.

Можно, конечно, предположить и еще более простой вариант. Что меня тупо используют как морскую свинку или собачку Павлова для опытов, которые не имеют вообще никакого отношения к альтернативной истории и всяким там сопутствующим «квестам». Навели какую-нибудь свою хитрую установку наугад и нажали кнопку с целью всего-навсего узнать, выдержит ли среднестатистический, выбранный «методом научного тыка», человек начала XXI века переброску во времени и как он приживется в чужих временах. Какой у него при этом будет пульс, ЭКГ, давление и содержание белка и сахара в моче... Пошло, конечно, но почему нет? Правда, в этом случае меня в какой-то момент должно столь же неожиданно вернуть назад. И момент этот мне опять-таки, к сожалению, не известен. Что характерно, в этот момент про Блондинку и все связанные с ней странности я вообще не подумал, видимо, с испугу...

Но в любом случае следовало понимать ситуацию так, что я здесь, похоже, застрял и какое-то время мне надо тут жить. Это, как говорится, объективная реальность. Прошлонавт, тыды его за ногу...

Ладно, раз так – все лишние мысли и догадки пока побоку. Самое главное – совсем не околеть на этом холоде. А ведь у них тут никаких самых паршивых антибиотиков и то нет. Конечно, советская медицина, может, и была лучшей в мире, но все равно простудишься – и кирдык, поскольку здесь острый бронхит или воспаление легких еще лечат как и чем попало. И не факт, что вылечивают. Кстати, может, мне все-таки отломятся какие-то бонусы от тех самых «роялей в кустах»?

Но для начала надо было определить время, куда я попал. Хоть приблизительно. Понять, наша это реальность или некая «альтернативка», можно будет и потом.

Что тут сказать? Всех подсказок – горящие танки «Т-26», грузовик и восемь лежащих в неудобно-живописных позах трупов. Шестеро в танковых шлемах (на одном шлема не было видно), в том числе четверо из них в комбинезонах, еще двое в ватниках и ватных штанах. Оставшиеся двое убитых были в серых, запачканных грязью шинелях, ботинках с обмотками и ушанках на искусственном «рыбьем меху» – явные пехотинцы. Командиров среди погибших не наблюдалось. Одни рядовые и сержанты. На некоторых убитых танкистах была форма с черными петлицами и латунными танками на них. И, разумеется, ни малейшего намека на погоны. А раз так, то очень сомнительно, что это, скажем, 1942-й (на втором году войны цветные петлицы были уже не правилом, а скорее редким исключением из таковых), скорее все-таки занесло куда-то в 1941-й.

Листьев на окружающих деревьях практически нет, дожди, грязь, холодрыга. Получилось, что это поздняя осень. Стало быть, сентябрь или октябрь 1941-го. Ноябрь вряд ли, я четко помнил, что в ноябре тогда уже всюду снег шел, на эту тему можно хоть хронику с парада 7 ноября 1941 года вспомнить. Значит, первая военная осень. Вот же гадство...

Конечно, это практически «мечта любого реконструктора», но вся загвоздка в том, что я-то как раз не вполне принадлежал к этой почтенной секте. И умиляться свершившемуся факту как-то не хотелось, а спрашивать «почему именно я, а не кто-то еще» все равно было не у кого.

Ладно, примерное время года и сам год вроде определил, точнее сориентироваться предстояло позже. Судя по пейзажу, я, без всяких сомнений, в России (здесь я поймал себя на мысли, что рассуждаю прямо как некий «Капитан Очевидность» – понятно, что такая грязь где-нибудь в Южной Франции вряд ли может быть), а если точнее в – СССР. На войне. И логика подсказывала, что фронт, видимо, был примерно в той стороне, куда давеча улетела пара «Vf-110» (там, где-то за серым горизонтом, ощутимо, но монотонно бабахало), а значит, топтать мне следовало желательнее в противоположную сторону.

Главное, похоже, прояснилось, а остальное тоже было вполне понятно – теперь надо было хотя бы частично переодеться в сухое, вооружиться, найти какие-нибудь документы и прочее. Пока за шпиона или диверсанта не приняли. И не пристрелили по законам военного времени, то есть без суда и следствия.

По крайней мере, документы, которых у меня не было вообще (я сюда свалился почти как Максим Каммерер в «Обитаемом острове», только, слава богу, не в одних сверхпрочных и нанотехнологичных плавках), точно следовало позаимствовать у кого-то из лежащих сейчас рядом со мной покойников, разумеется, выбрав кого-то хоть немного подходящего по фактуре и возрасту. За восемнадцатилетнего и свежепризванного юнца с прыщавой совестью я уже никак не сойду, нужен мужик лет тридцати, а если точнее – хладный труп такого мужика.

Я подошел чуть ближе ко все еще ярко горевшим танкам и практически догоревшему грузовику.

Картина выходила примерно такая – они, похоже, ехали к фронту колонной (если три машины можно вообще считать за таковую). На черепашьей скорости, буксуя в этих колдобиях

нах. Тут на них и налетела авиация, а точнее – немецко-фашистские стервятники из геринговских люфтваффе. Как я уже успел отметить, рассредоточить технику, судя по положению машин, они не смогли или банально не успели.

Хотя нет, кое-что все-таки успели – чем-то похожие на окошки пивных ларьков времен позднего социализма, люки мехводов и верхние башенные люки у обоих «Т-26» были широко открыты, а значит, выбраться экипажи все-таки сумели. А вот в дымящихся остатках кабины «полуторки», прямо за обгоревшим докрасна торпедо, просматривалось тлеющее нечто, отдаленно похожее на бывшего человека. Стало быть, водиле «ГАЗ-АА» не повезло...

Пробойн в танках я, что удивительно, не увидел и тут же задал себе резонный вопрос: а с чего они тогда вообще горят?

Потом присмотрелся и понял – на корме танков были видны явные металлические бочки для топлива. Сейчас они уже в дырявом и покореженном виде (одна вообще с начисто выбитым дном) все еще лежали на крышах МТО. Вариант удачный с точки зрения повышения запаса хода, но вот исходя из соображений повышения пожароопасности выходит вовсе даже наоборот.

А кузов грузовика (точнее, то, что от него осталось, после того как деревянные борта сгорели) вообще, похоже, был набит минимум десятком, сейчас уже обгорелых и мятых бочек с рваными дырами (несомненно, в них тоже был бензин). Похоже, рвануло там знатно – несколько еще дымящихся бочек расшвыряло далеко по дороге, две лежали метрах в десяти от грузовика.

Выходило, что немецкие летчики на них и бомб особо не потратили (ям, похожих на воронки от мелких бомб, я насчитал всего три, да и те сильно позади горящих машин, похоже, неверно рассчитали и промазали) – просто зашли на бреющем и лупанули из всех наличных стволов, да от души, да зажигательными... У «сто десятых» секундный залп хороший, а кругом бензин. Вот оно и взорвалось. Опять же, если в огнеметном «Т-26» был заправлен еще и бак с огнесмесью (этот танк горел особенно хорошо и у него вспучило броню подбашенной коробки – явный признак хорошего внутреннего взрыва), то это при таком раскладе он жогнул особенно красиво. Не взрыв, а просто «праздник» какой-то...

Ну а дальше – возможны варианты. Зависело от того, сколько заходов немцы сделали на свою цель. Они вполне могли поджечь перевозимое топливо и положить мечущиеся и разбегающиеся экипажи и с одной-единственной атаки.

Во всяком случае, у всех лежавших в грязи относительно целых (а значит, их все-таки достало не взрывом) трупов были видны входные и выходные пулевые дырки на одежде.

Уже практически околевая от холода в своем мокром комбезе, я начал подробнее осматривать покойников. Ближе всего лежали, практически одно на другом, тела двух пехотинцев в шинелях. Это были довольно старые небритые мужики, лет пятидесяти, да еще и субтильные, малого роста. Правда, у одного из них под задравшимся обшлагом левого рукава шинели мощно тикали вполне приличного вида крупные часы на кожаном ремешке, которые я немедленно снял и нацепил это полезное приобретение (у меня в момент провала во времени ни часов, ни тем более мобильного с собой не было, все осталось во Вторпятове, в моих вещах, и, честно говоря, слава богу) себе на руку. Извини, мужик, возможно, со стороны это и выглядит как чистой воды мародерство, но тебе-то самому узнавание времени теперь точно до лампочки... Мне нужнее... Ведь все равно кто-нибудь да снимет с тебя эти «котлы»... Часы показывали половину четвертого, только явно не ночи, а 15.32 дня. Хоть что-то...

А вот за двумя убитыми пехотинцами я наконец рассмотрел подходящий «объект»...

О! Кажется, я нашел то, что искал.

Прямо в колее лежал на спине мужик в грязном танковом комбезе серо-черного цвета, в пальцах его судорожно сведенной и далеко откинутой в сторону правой руки были зажаты лямки туго набитого вещмешка. На поясе просматривался ремень с застегнутой кобурой. А вот

половины головы у этого несчастного танкиста не было. Похоже, пуля (как бы даже неразрывная) попала ему прямо в лицо, и все, что было у убитого выше рта, превратилось в кровавую кашу или разлетелось в мелкие брызги по сторонам, видимо, вместе с его танковым шлемом, которого я нигде вблизи от тела не увидел.

Это было хорошо. Нет, то есть для него, конечно, плохо, а вот для меня – не очень. Наклонившись над трупом, я осмотрел его. Был он весь мокрый и грязный (от лежания в наполненной водой колдобине одежда на трупе промокла насквозь), но при этом мужик оказался рослый и явно не пацан из мобилизованных. То есть как раз примерно то, что мне и было надо.

Я торопливо обшмонал карманы его комбинезона, поскольку под ним у убитого была не гимнастерка, а казенный свитер грубой вязки.

В карманах покойника тоже было сыро, как в помойном ведре, но в нагрудном кармане комбеза я нашел-таки его разбухший от грязной воды военный билет. С трудом раскрыл, разлепив страницы.

Н-да, все размокло, на хрен, и практически поплыло. Фотка на первой странице (той где печать райвоенкомата и подписи – владельца билета и выдавшего документ военкома, первую я сразу же постарался на всякий случай запомнить) вообще превратилась черт знает во что. Сквозь серо-желтую муть было еле-еле видно какое-то туманное лицо, на котором было практически не разобрать ни рта, ни носа, ни глаз, с минимумом волос на голове, при этом лучше всего были видны два треугольника на петлицах ворота гимнастерки. Такой, с позволения сказать, «фотопортрет» мог быть у кого угодно, и даже у меня могло обнаружиться определенное сходство с ним. Получилось почти как у Платова в «Секретном фарватере» (разумеется, в книге, а не в кино) – там, когда немцы доставали каплея Шубина из воды на борт «Флигенде Холендера», перед этими чудиками из кригсмарине как раз проканал подобный финт с размокшим служебным удостоверением покойного финского летчика, с «убитой» подобным же образом фотографией. В фильме-то все, как обычно, упростили, ограничившись лишь именем того сбитого финна, зачем-то написанным на воротнике спасжилета...

Чернила и печати в найденном военном билете тоже расплылись до безобразия, но все-таки выглядели лучше, чем фото. На второй странице – напечатанные типографским способом буквы «СССР», пятиконечная звезда с серпом и молотом, слово «военный билет» и его казенный номер из двух букв и пяти цифр. Пониже звание – заместитель командира взвода запаса РККА. Там же и имя-фамилия-отчество – Потеряхин Андрей Васильевич. Год рождения – 1916-й.

Что характерно – документ был выдан в июле 1938 г. Советским райвоенкоматом города Краснобельска. Ого, стало быть, земляк! Надо же...

В качестве места последней службы Потеряхина А. В. перед уходом в запас, как можно было было с трудом разобрать, значилась 25-я танковая бригада Забайкальского Военного округа, поселок Ясное Оловянинского района, Забайкальского края. Крайняя дата – 13 или 15 июня 1938 года.

Стало быть, покойный – герой-дальневосточник, почти как в старом фильме «Трактористы»?

Краснознаменная, смелее в бой... Ну-ну... Выходит, убитый танкист срочную службу до войны прошел. Кадровый, стало быть...

А вот отметок о каких-то новых назначениях в его военном билете не было! Странно, но хрен с ним, может, и не успели. В начале войны, судя по документам, устным рассказам и мемуарам, чего только не бывало. Выдернули мужика из запаса (или он сам добровольцем записался) – и прямиком на фронт, а расписаться в документах забыли. А если он до фронта добирался с каким-нибудь маршевым пополнением, то подобная история более чем реальна.

Остальное в документе было несущественно или расплылось вообще до полной неразличимости. Никаких других документов вроде партийного или комсомольского билета я при убитом не нашел. Может, так оно и надо, хрен его знает...

Засунув военный билет себе во внутренний карман комбеза, я приподнял тело убитого из колдобины (тяжелый он был, как и все покойники) за грудки, после чего снял с него ремень с кобурой. В мокрой кобуре нашелся револьвер системы «Наган» с полным барабаном (хорошо, если патроны не успели отсыреть), пристегнутый к ней вытяжным ремешком.

Я снял свой ремень и отшвырнул его в водительский люк горящего огнеметного «Т-26». После чего перепоясался ремнем покойника. Нельзя сказать, что от этого стало легче, но какое-никакое оружие в кобуре придало мне некоторую уверенность. По крайней мере теперь было из чего застрелиться...

Снимать с трупа сапоги я откровенно побрезговал, тем более что они у него ношенные и сильно стоптанные, да и размер на глаз был явно меньше моего, где-то сорок два – сорок три, а у меня сорок пять. Комбез у него был такой же мокрый, как и у меня, так что зачем он мне? Тем более с пятнами крови (и, кажется, не только крови) на плечах и груди.

Я не без труда вытащил из пальцев покойника ляжки «сидора» и развязал вещмешок. Слава богу, что мешок не успел промокнуть насквозь. Там обнаружили немудрящие солдатские харчи в виде нескольких завернутых в тряпицу кусков колотого сахара, двух банок рыбных консервов, полбуханки черного хлеба и трех пачек горохового и пшеничного концентрата. Была еще очень толстая общая тетрадь в буро-коричневой клеенчатой обложке и пара карандашей, но тетрадь была пустая, и никаких образцов эпистолярного жанра в виде писем из дома или же домой я в его вещмешке не обнаружил. Как и каких-либо других документов. Коль так, будем считать, что покойный был сиротой, раз уж ему некому было писать. Ну, или лентяем. Хотя, возможно, причина была куда проще и банальнее – не успев доехать до фронта, покойный еще просто не знал номера своей полевой почты.

Еще в вещмешке было два десятка патронов для «нагана» россыпью, кусок мыла, опасная бритва и жестяная коробка из-под каких-то леденцов с бритвенными принадлежностями вроде помазка и прочего, жестяная кружка, котелок, оловянная ложка, складной нож, четыре коробки спичек, невскрытая пачка махорки, две пачки папирос «Дели» и две катушки ниток (черных и белых) с воткнутой в одну из катушек иголкой. Кроме того, я нашел там две пары чистых и сухих портянок, две пары нательных рубах и кальсон, пару грубых шерстяных носков, двое уставных, черных трусов-семейников и полный комплект обмундирования – явно поношенная, но вполне опрятная гимнастерка с двумя треугольниками и танком на черных петлицах и галифе (и то и другое серо-стального цвета, как танкистам РККА до войны и полагось). Однако запасливый мужик был этот Потеряхин...

А самое главное – в «сидоре» я нащупал новенькую зеленую флягу, в которой что-то обнадеживающе булькало. Я отвинтил пробку, понюхал – пахло спиртным, но явно не водка и не чистый спирт. Отхлебнул и закашлялся – во фляге был коньяк, причем довольно неплохой. Наверное, армянский, типа того, что во время этой войны товарищ А. Микоян посылал в подарок «дорогому союзнику», господину У. Черчиллю. Богато жил покойник. Ладно, по крайней мере внутри стало теплее и шансы подохнуть от простуды несколько уменьшились.

Переодеваться в сухое здесь было негде. Поэтому я ограничился малым. Подкатив к себе и подняв в вертикальное положение еще теплую, одуряюще воняющую сгоревшим бензином пустую бочку, я присел на нее и по одному с трудом стянул с ног мокрые кирзачи. Вылил из сапог воду и снял промокшие носки. После чего протер, как мог, свои посиневшие ступни и намотал на ноги сухие портянки. Натянув сапоги, почувствовал некоторое облегчение. Опять-таки, пока сидел на горячей бочке, моя задница и ноги успели несколько согреться.

Конечно, в целом в моих сапогах все равно было сыровато, но тут уж без вариантов. По крайней мере, теперь не было ощущения, что я стою ногами в двух ведрах с холодной водой.

Свои завезенные из отдаленного будущего носки я выжал и вместе с флягой убрал в «сидор». Завязав вещмешок понял, что жить, похоже, стало легче.

Решив утеплиться, дальше стянул с еще одного убитого танкиста наиболее целый (там было только одно аккуратное входное пулевое отверстие на спине слева) и сухой ватник. Владелец ватника был худым и длинным, и на нем он болтался как на вешалке, а мне был относительно впору. У того же покойника я позаимствовал и танкошлем, который тоже был ему явно великоват. Шлемофон был, похоже, из кирзы, но, по крайней мере, на искусственном меху. Какой-никакой, а все-таки зимний головной убор...

На всякий случай я посмотрел документы у этого и еще одного лежавшего ближе всех убитого. У этих двоих были подмокшие красноармейские книжки (у одного сей документ дополнялся комсомольским билетом), выданные в сентябре 1941-го, то есть буквально только что. При этом отметок о том, в какой части сейчас служат, не было и у них. На всякий случай запомнил фамилии этих двух убитых – красноармейцы Бугров и Игонин. Вдруг да пригодится. Документы у них я забирать не стал. Не мое это дело, поскольку лично я ни похоронить их, ни похоронки разослать сейчас точно был не в состоянии. Я теперь вообще всего лишь сержант, он же замкомвзвода, невеликая во всех смыслах сошка.

Вслед за этим я решил, что, пожалуй, все-таки есть смысл еще больше затруднить мою идентификацию и усложнить возможное разоблачение. Вдруг у кого-то не сойдется количество покойников, начнут копать, то-сё...

В общем, прости меня, замкомвзвода товарищ Потеряхин, но так надо....

Я поднял уже остывший и еще больше потяжелевший (как мне показалось) труп своего здешнего «дубликата» и за подмышки поволок его к горящему огнеметному танку, где пламя все еще было достаточно мощным. У самого танка, перехватив покойника за грудки, с трудом приподнял его, а потом, спиной вперед, отворачиваясь от пожара, уронил тело в огонь, прямо на корму «ОТ-130». Извини, мужик, еще раз, подумал я, глядя, как комбинезон на трупе начинает чернеть, дымиться, а потом и гореть, но быть тебе теперь безымянным и без вести пропавшим, ничего тут не поделаешь. Во всяком случае, идентифицировать его личность теперь будет практически невозможно, так же как и сгоревшего шофера «полуторки». Век генетических экспертиз по разным там чудом сохранившимся фрагментам ДНК наступит еще не скоро.

От горящего тела пошел специфический аромат, такой густой, что меня затошнило.

Ничего, Потеряхин, теперь я с твоими убийцами постараюсь поквитаться. И не раз. Попробую слегка помочь предкам подсократить народонаселение племени истинных арийцев. А то эти сжигавшие людей в печах и удобрявшие их пеплом капустные поля (но при попадании в плен все немцы неизменно оказывались землекопами, кашеварами, шоферами, сапожниками или парикмахерами, четко заучившими фразы, типа «Hitler Kaput» или «Der Krieg ist schlecht, ich liebe genosse Stalin» и дававшими понять, что все кровавые преступления режима это не про них, а они все сплошь затаившиеся «рот-фронтвцы») господа через полвека опять все забудут и оборзуют до крайности. То есть начнут строить планы мирового господства и учить нас, как жить. Правда, все их «уроки» всегда сводятся всего-навсего к торгу вокруг снижения цен на российские газ и нефть да истерическим требованиям – любить педиков, растлителей малолетних да исламских фундаменталистов с прочей «пятой колонной». А идеи товарища Гитлера чуть позднее, как это ни странно, зацветут буйным цветом даже ближе, чем ожидалось, из-за чего всякое взбесившееся шакалье придется потом отстреливать, и не где-нибудь, а аж на Донбассе, то есть там, где ближе уже некуда, поскольку дальше уже по-любому только Москва. Хреново будет, если мы опять сдадим назад и ляжем под них, проиграв по уже привычному сценарию. Хотя, такой вариант никогда не стоит исключать...

Но так или иначе мне надо постараться и положить хоть сколько-нибудь этих нацистских дедушек, чтобы тем путем отстрела из огнестрельного оружия уменьшить количество их внуков и правнуков, а значит, связанных с ними последующих запуков и проблем.

Эта мысль показалась мне очень здравой, и поэтому я решил дополнительно вооружиться. Ведь одного «нагана для подобного явно недостаточно.

Впрочем, выбор у меня был более чем невелик. Какое, спрашивается, у танкистов да сопровождавших груз тыловиков может быть серьезное оружие, при том что штатные пулеметы «ДТ» сгорели вместе с танками. Хотя возле одного из убитых пехотинцев довольно удачно лежал отлетевший в грязь мосинский карабин. Я поднял оружие и проверил – в обойме сидело пять положенных патронов, еще десять патронов я нашел в двух кожаных патронных коробках на поясе убитого. Более чем не густо, но и то хлеб. Рассовав винтовочные патроны по карманам своего комбеза, я начал протирать карабин от грязи найденной в кармане шинели того же убитого пехотинца относительно сухой и чистой тряпичкой, похожей, служившей покойному носовым платком.

Обдумав за этим занятием свое нынешнее положение, я решил, что все не так чтобы хорошо, но и не совсем безнадежно. Пока что выходило, что я так и не получил вообще никаких достойных «ништяков», поскольку единственным из всех возможных преимуществ было лишь обретение очень сомнительных документов, удостоверяющих мою новую личность. Если мой «провал во времени» все-таки был кем-то заранее спланирован, то работал этот «кто-то» явно спустя рукава. По моим основанным на книжках представлениям для относительного успеха у меня должны были быть как минимум документы какого-нибудь офицера для особых поручений фронтового или армейского уровня. Хотя стоп – какого такого «успеха»? Ведь я даже не знаю, чего от меня может потребоваться этому засунувшему меня в данные лютые времена неизвестно кому...

И хорошо, что долго раздумывать мне не дали, а то я так мог спокойно дойти до тотального самоедства и мыслей о самоубийстве.

Заканчивая с протиркой карабина, я услышал натужный гул нескольких явно автомобильных моторов в стороне, противоположной той, куда перед этим улетели немецкие самолеты, то есть звук шел оттуда, откуда, надо полагать, накануне ехала и эта погибшая колонна. Стало быть, вопрос с моими дальнейшими передвижениями был решен даже без необходимости лишний раз врать и напрягать извилины.

Через несколько минут я наконец увидел подъезжающие грузовики.

Их было шесть, заляпанные грязью темно-зеленые, пять – тяжело груженные угловатые ЗИС-5 и один трехосный ГАЗ-АА с гусеничными цепями «Оверол» (которые ему мало помогали) на задних колесах, замыкавший колонну. За грязными стеклами кабин просматривались лица шоферов, а в кузовах трех машин торчало по паре человек в шинелях с винтовками, видимо, охрана или сопровождение. Как я успел заметить, кузова двух «ЗИСов» были заставлены бочками с горючим, остальные машины, похоже, загрузили частично скрытыми под брезентом армейскими тарными ящиками. Боеприпасы, надо полагать. Грузовики нещадно буксовали в разъезженных колеях, но все-таки упрямо перли вперед.

Заметив меня и все еще горящую технику за моей спиной, колонна остановилась как вкопанная, не доехав до меня метров тридцать.

Хлопнула дверь, и из кабины переднего «Захара» резво выскочил невысокий человек в шинели и сдвинутой на затылок ушанке, направившийся ко мне странноватыми кенгуриными прыжками. По-моему, он пытался миновать наиболее большие лужи и при этом не запачкаться. Надо признать, что это ему не сильно удавалось, поскольку он все время поскальзывался и пару раз чуть не упал.

При этом правую руку неизвестный крайне предусмотрительно держал на клапане болтающейся на заду пистолетной кобуры, да и сидевшие в кузовах двух головных «ЗИСов» бойцы взяли винтовки на изготовку. Видать, уже успели не раз и не два перебздеть по полной. Интересно только, по какому именно поводу...

При ближайшем рассмотрении неизвестный в шинели оказался младшим лейтенантом сопливого возраста (типичный десяти-одиннадцатиклассник из наших времен) с совершенно детской, губастой и веснушчатой физиономией. И все на нем было какое-то необмятое – и шинель с грязными полами и двумя зелеными кубарями на неконтрастных полевых петлицах, и ушанка со слегка криво прицепленной латунной звездочкой, и еще слегка поблескивающие (а значит, явно новые) ремень и португепя рыже-коричневого цвета.

Подбежав ко мне, младшой лейтеха остановился и открыл рот, то ли стараясь отдышаться, то ли не зная, что сказать...

В свою очередь я прислонил карабин к бочке, на которую присел, чистя его, встал и несколько выпрямился, приняв подобие строевой стойки, после чего молча козырнул младшему лейтенанту, подняв грязную ладонь к шлемофону.

– Здравия желаю, товарищ младший лейтенант! – приветствовал я его.

При этом в голове возникла резонная мысль о том, что будет плохо, если этот лейтенантишко унюхает исходящий от меня слабый коньячный запах и, чего доброго, начнет истерить, с места в карьер, как это обычно бывает. Хотя вокруг так воняло горелым, что этот вариант представлялся все-таки маловероятным.

– Вы что, один остались живы? – спросил младший лейтенант, с явным испугом глядя на горящие танки. В его голосе слышались явные нотки удивления и где-то даже недоверия. Похоже, на войне этот парняга действительно был новичком. Как, впрочем, и я, грешный...

– Ага, – ответил я, совершенно не по-военному.

– Ужас какой, – сказал лейтеха, тоже откровенно не придерживаясь устава и, похоже, совершенно искренне. – А ведь нам товарищ майор сказал, что погода сегодня точно нелетная, с ночи дождь был. И только выехали, как тут же свалились эти... Товарищ, мы же видели, как они на вас спикировали! Могли и по нам ударить, но вас они, похоже, раньше увидели. Ведь мы вполне могли быть на вашем месте!

«Еще побудешь», – хотелось сказать мне на это, если доживешь, конечно. И интересно, что это за такой умный товарищ майор выискался, небось интендант какой-нибудь...

– Лучше все-таки быть на своем, товарищ младший лейтенант, – ответил я вместо этого и тут же спросил: – Товарищ младший лейтенант, а какое сегодня число и месяц?

– Девятнадцатое октября, 1941 год, – ответил лейтеха машинально и немедленно удивленно поинтересовался: – Товарищ, что с вами? Вы не ранены?

– Да вроде нет. Похоже, контузило маленько. Мысли путаются. Год помню, а вот некоторые мелкие детали почему-то ускользают...

– А вы имя-то свое помните, товарищ?

– Да. Это как раз помню. Потеряхин Андрей Васильевич. Замкомвзвода.

– Ну и то хорошо, товарищ. Со временем и остальное вспомните... Вы давайте садитесь куда-нибудь в кузов, и поедем быстренько. А то они чего доброго опять налетят... Вы же, наверное, из 44-го отдельного танкового батальона?

Я молча кивнул, переваривая услышанное. «Отдельный танковый батальон» осенью 1941 года – это срочно и наспех сформированное где попало и из кого попало для усиления какой-нибудь стрелковой дивизии формирование. Как говорится – нашим легче. Такие батальоны категорически не могли быть кадровыми частями, и все, кто там служил, вряд ли успевали близко узнать друг друга и в лицо, и вообще. Если это предположение было верным, ряд важных вопросов и проблем снимался сам собой..

– Вот и ладненько. А мы как раз в Вязово едем, а там как раз штаб вашего батальона – сможете сами доложить по команде, как и что с вами случилось. А если медпомощь потребуется, там же и медсанбат стоит...

С этими словами так и не потребовавший у меня документы лейтеха повернулся и запрыгал по колдобинам обратно к головному «ЗИС-5», давая тем самым понять, что повторного приглашения не будет.

Экий ты доверчивый и болтливый, товарищ командир, подумал я, поднимая с земли вещмешок и прислоненный к бочке карабин, прямо-таки находка для шпиона. Хотя, если, конечно, жив останешься, непременно поумнеешь...

Через пять минут я уже сидел в кузове предпоследнего в колонне «ЗИСа», и машины тронулись со скоростью, мало превосходившей пешехода. Два сидевших в том же кузове красноармейца (судя по тому, что они держали винтовки словно палки, а их шинели были такими же новыми, как и у лейтехи, ребятишки были явно из свежего призыва) таращились на мой лопнувший по шву комбез и закопченную физиономию с откровенным ужасом, но так ничего и не решились спросить по этому поводу.

Скоро мы выбрались на развилку с указателями, налево – «с. Вязово. 4 км», направо – «колх. Путь Ильчича. 6 км». Головная машина нашей колонны, естественно, свернула налево и искомое село Вязово открылось нам менее чем через полчаса – в виде скопления серых, разнокалиберных, обсаженных деревьями изб с разными крышами (было видно кровли, покрытые и тесом, и даже соломой), расположившихся на бугре и вокруг оно.

При дальнейшем приближении Вязово оказалось селом очень немаленьким, построенным по стандартной российской схеме – две длинные продольные улицы, пересеченные поперек несколькими более короткими улочками. Домов и прочих надворных построек тут было явно за сотню, и, судя по тянувшимся через населенный пункт столбам с проводами, электричество в селе тоже было. Для тех времен прямо-таки просто дивно.

Между тем колонна остановилась у окраины, возле нескольких больших сараев, где лежали штабеля разнообразных ящиков и бочек. По тому, что штабеля были не особо большими, я определил, что это, скорее всего, хозяйство какого-нибудь стрелкового полка. Для дивизионного уровня явно маловато. Да и, судя по маркировке, на некоторых ящиках здесь не было артиллерийских снарядов калибром свыше 76-мм.

У открытых ворот на въезде во двор импровизированного склада торчал часовой с винтовкой, в шинели и плащ-палатке с поднятым на голову капюшоном. Во дворе самого склада стояло три подводы, запряженные разномастными и разнокалиберными лошадьми. Несколько пожилых или очень молодых бойцов в необмятых шинелях таскали из одного сарая и грузили на телеги зеленые ящики. Похоже, со снарядами. Это я заключил из того факта, что погрузкой руководил молодой и бравый старший сержант в буденовке и довоенной шинели с перекрещенными севастьяпольскими пушками на черных бархатных петлицах, время от времени покрикивавший на грузчиков. Я спрыгнул из кузова на землю и, закинув на плечо вещмешок и карабин, двинулся к головному «ЗИС-5». Давешний младший лейтенант уже вылез из кабины своего грузовика на свежий воздух и, увидев меня, заулыбался.

– Пройдите вперед вон туда, – указал лейтеха направление моего дальнейшего движения. – Там через две улицы на площади штаб вашего батальона. В избе, где раньше был сельсовет. Там же, по соседству, и медсанбат. Счастливо вам!

– Спасибо, что подвезли! – ответил я, козырнул и потопал в том направлении.

Шоферы и сопровождавшие машины бойцы молча смотрели мне вслед.

На грязной деревенской улице было пустынно, не встречалось ни военных, ни местных жителей. Конечно, последние могли частично сбежать (пардон, эвакуироваться). Хотя, с другой стороны, куда, спрашивается, деревенскому жителю в те времена было эвакуироваться? Косвенные признаки вроде свежего навоза на улице и отдаленного собачьего лая, слышного из отдельных дворов, указывали на то, что большинство здешних селян все-таки остались на месте.

Расстояние до фронта, судя по ставшей чуть более слышной канонаде, здесь было километров десять, то есть теоретически супостат вполне мог достать село дальноточной артиллерией. Но никаких следов обстрелов или бомбежек я не увидел. Разрушенных домов не попалось, только справа, в отдалении, я рассмотрел какой-то то ли полуразрушенный, то ли полуразобраный сарай без крыши. Но здесь вполне могли постараться вовсе не немецко-фашистские захватчики, а аборигены или наши вояки, банально разобравшие сарай на дрова или для каких других надобностей. Ставни в некоторых избах были закрыты, на нескольких окнах я различил наклеенные крест-накрест полосы бумаги – очередная примета сурового времени...

Ближе к площади, слева от улицы, в одном из дворов у какого-то большого сарая (судя по тому, что на дворе возле этого самого сарая лежало кучей несколько плугов и борон и стоял давно лишенный двигателя остов колесного трактора «Фордзон-Путиловец», до войны там явно хранилась, а может, и ремонтировалась местная сельхозтехника) я рассмотрел башни двух танков «Т-26». В одном танке ковырялись чумазые личности в комбезах и ватниках. Рассмотреть, что именно они там делали, мне мешал забор, но я слышал глухие удары по металлу, лягг и приглушенный расстоянием явно деловой разговор, густо пересыпанный матюгами.

Выйдя на площадь я увидел большую избу с навесом над широким крыльцом, вывеской «Сельский совет» и сырым красным флагом, который почти не колыхался на ветру у входа. Часового у избы не было, зато у крыльца стояли броневичок «БА-20» и заляпанный грязью мотоцикл ПМЗ с похожей на сверхмаленькую моторную лодку, с накладной красной звездой на носу коляской. В водительском седле мотоцикла явно заскучал молодец в кожаной куртке, развесистых галифе и танковом шлеме, при больших очках типа летных и висящем за спиной карабине.

Медсанбат тоже находился здесь, только на другой стороне площади, в избе, у входа в которую сохранилась табличка «Медпункт». Над крыльцом болтался белый флажок с красным крестом. Рядом стоял зеленый санитарный «ГАЗ-55» с натрафареченными на борта красно-белыми крестами и бортовая полуторка «ГАЗ-ММ» с тентом, из которой несколько, как мне показалось, очень толстых медсестер (хотя это надетые поверх халатов ватники и шинели явно добавляли объема их формам) таскали в избу какие-то тюки. Здесь же, на крыльце, курил некий тощий мужичок в накинутой поверх белого халата шинели и круглых очках на носу – явное какое-то здешнее медицинское начальство. Я невольно подумал, что, наверное, вполне мог бы нарваться и на какую-нибудь разбомбленную санитарную автоколонну, а в этом случае пришлось бы изображать из себя какого-нибудь врача или медбрата.

Н-да, в моем случае шкура танкиста, похоже, оказалась далеко не худшим вариантом...

Я пошел напрямик к избе сельсовета. Мотоциклист, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, не просто скучал, а натурально дремал (или вообще спал) в своем неудобном седле. Во всяком случае, он даже не соизволил повернуть голову в мою сторону.

Поднявшись по мокрым дощатым ступенькам на крыльцо, я хотел было привести себя в порядок, но тут дверь бывшего сельсовета широко распахнулась, и напрямик на меня вынесло командира Красной Армии в звании капитана. Капитан был пижонистый – выбритый до синевы жгучий брюнет небольшого роста, в хорошо подогнанной (а может, и пошитой на заказ в ателье) шинели и щегольской фуражке с лопатообразным козырьком и бархатным черным околышем. Я отметил про себя, что и шинель и фуражка на нем были не серо-стальные, а более темные, общевойсковые образца, какие танкисты РККА начали носить после 1939 года. Дополняли картину ремень с двумя португееями и кобурой и висевшая на левом боку планшетка. От капитана пахло каким-то одеколоном, и весь он был какой-то слишком уж чистый для этой местности и сопутствующего времени года – по-моему, у него даже сапоги блестели...

Практически налетев на меня грудью, капитан остановился.

Я хотел было козырнуть, но вовремя вспомнил, что при оружии честь отдавать не положено (а у меня за плечом как раз торчал ствол карабина).

И не успел я открыть рот, как капитан заговорил сам.

– Кто вы такой?

– Потеряхин, младший командир запаса, – выдал я фразу, которая прочно засела у меня в памяти после какого-то увиденного в детстве фильма по сценарию Виля Липатова (кажется, он назывался «Еще до войны»).

– Документы! – потребовал капитан, подозрительно глядя на меня снизу вверх.

Я вынул, что имел. Он брезгливо пролистал влажноватые бумажные страницы и вернул мне военный билет. Похоже, что никаких вопросов по поводу моих документов у него пока что не возникло.

– Так, сержант, выходит, что вы из того взвода, что сегодня шел к нам со стороны Климовска, с полученной из Кубинки материальной частью?

– Так точно, – ответил я, понимая, что мой ответ в данном случае других вариантов иметь не может. Экий же он неисправимый оптимист, раз считает два танка за взвод...

– А что танки? И где остальные?

– Того. Смертью храбрых, товарищ капитан. Авианалет. Пара «сто десятых». Всех на месте положили. Думал, меня тоже убьют, но только чуток контузило.

– А танки?

– Сгорели, товарищ капитан.

– А автомашина с горючим что – тоже накрылась?

– Так точно, товарищ капитан.

– Вот же черт...

Было похоже на то, что утрата полутора тонн бензина раздосадовала его даже больше, чем потеря двух танков с экипажами. Но brave капитан не позволил себе долго проявлять эмоции.

– Ладно, товарищ сержант, – сказал он. – Я командир 44-го отдельного танкового батальона капитан Брыкин, и вы отныне поступаете в мое распоряжение. Там, в избе, сейчас мой зам по тылу лейтенант Кадин, доложите ему о прибытии, становитесь на довольствие и пока можете отдыхать. Понадобитесь – вызовем. Да, и приведите-ка себя в порядок. А то смотреть на вас противно. Что за вид, товарищ сержант? Вы что – купались или вас кошки драли?

Он явно намекал на мой расплзшийся по швам комбез.

– Почти. Когда авианалет и по тебе стреляют, выбирать не приходится. Падаешь там, где стоял, куда придется...

– Вполне понимаю. Но не извиняю. Вы ведь срочную до войны проходили?

– Так точно.

– А где?

– Так в военном билете же все написано. На Дальнем Востоке, демобилизовался три с лишним года назад...

– Вот это очень хорошо, товарищ сержант, а то у меня в батальоне кадровых почти никого. Ладно, пока свободны, сержант.

С этими словами он слетел с крыльца, запрыгнул в коляску ПМЗ (водитель мгновенно проснулся), и мотоцикл, сильно буксуя, рванул куда-то в сторону окраины. Сквозь таракатные мотоцикла я смог расслышать, что капитан вроде бы приказал водителю «гнать в штаб дивизии».

Я осторожно вошел в избу. Там было тепло, поскольку всю топилась русская печка. Примерно треть избы была отгорожена пологом из закрепленного на веревке брезента (или это были несколько максимально развернутых плащ-палаток?), и, что там происходило, было непонятно. В остальной избе имелось два окна (на одном подоконнике сохранилась полусох-

шая геранька, которую, видимо, не поливали с начала войны), два длинных стола, заваленных какими-то бумагами, папками и письменными принадлежностями, несколько лавок и табуреток.

За центральным, обращенным лицом к входу столом сидел симпатичный блондинистый лейтенант с зачесанными назад волосами, тоже вполне себе бравый и чистенький. На его хорошо подогнанной гимнастерке с двумя кубарями и танками на черных петлицах я рассмотрел значки – «Ворошиловский стрелок» и комсомольский, с буквами «КИМ». Лейтенант с отчаянием смотрел на стоящую перед ним пишмашинку с вставленным в каретку листом бумаги.

Судя по всему, это и был тот самый «зампотыл», а исходя из творившегося в штабе батальона бардака и полного отсутствия даже полагающихся по штату писарчуков, эта часть, похоже, действительно формировалась явно впопыхах.

Войдя, я снял и поставил у ближней лавки вещмешок и карабин, после чего отдал честь и представился. Лейтенант потребовал мои документы.

– Что за вид, товарищ сержант?! – укоризненно сказал он, листая мои свежесобранные размокшие бумажки. Похоже, он слышал весь мой разговор с комбатом на крыльце и потому никаких особых дополнительных вопросов не задавал.

– Виноват! Исправлюсь! Разрешите переодеться, товарищ лейтенант? – попросил я. – А то я от «мессершмиттов» по лужам прятался, мокрый весь...

– Можете вон там, за занавеской, – показал лейтенант куда-то за брезент. – Только быстрее. Даю вам пять минут, товарищ сержант!

Я скинул с себя ватник и шлемофон и, подхватив «сидор», шагнул за занавеску. За занавеской был такой же бардак, как и в остальной избе. Там стояли две железные панцирные койки со свернутыми в рулоны матрасами (ни подушек, ни одеял, ни простыней я не заметил), задвинутый в угол большой шкаф и стол, на котором лежало несколько грязных ложек и вилок, стояли три пустых банки из-под рыбных консервов (одна из них была почти доверху заполнена окурками), два граненых стакана и эмалированная кружка с остатками недопитого чая, а также большая миска с относительно чистой водой. Довершали картину изрядная поленница дров, сваленная у стены, висящие на гвоздике у шкафа шинель с лейтенантскими петлицами, планшет и бинокль в чехле и лежавший здесь же неразвернутый полевой телефон с двумя катушками провода. На шкафу лежала командирская зимняя шапка, пресловутая «финка», без привычных длинных ушей с тесемками.

Все это я кое-как разглядел, пока в пожарном темпе скидывал с себя ремень с кобурой, сапоги и все еще сырой комбез. Натянул сухое белье (кальсоны надевать не стал, ограничившись труселями) и форму. Из карманов комбеза вытряс все винтовочные патроны, после чего разорвал его на части, сложив обрывки в кучку. Тельник и свои трусы выжал и убрал в вещмешок. Потом перемотал портянки, натянул сапоги и подпоясался. Стало заметно комфортнее. Умыв физиономию из миски, я завязал вещмешок и вышел из-за занавески. При этом я сразу же сделал несколько шагов к печке и быстро засунул сырые обрывки своего комбеза в огонь. Сидевший за столом лейтенант при этом посмотрел на меня несколько удивленно, но так ничего и не сказал.

Совершив это действие, я повернулся к зампотылу, который как раз записывал данные из моего военного билета в какую-то толстую книгу типа амбарной, все время такая при этом в чернильницу донельзя винтажную перьевую ручку.

Конечно, гимнастерка и галифе сержанта Потеряхина после долгого лежания в вещмешке были сильно мятыми, но все-таки мой новый внешний вид зампотылу вроде бы понравился. Форма оказалась мне почти впору, только рукава у гимнастерки были чуть длинноваты.

– Ну вот, совсем же другое дело, товарищ сержант! – сказал он удовлетворенно, возвращая мне документ. Я успел заметить на обложке его амбарной книги надпись «Журнал

учета личного состава 44 ОТБ». Вслед за этим лейтенант, фамилия которого действительно была Кадин, сообщил мне, что сейчас в батальоне, в котором я отныне служу, личного состава значительно больше, чем танков, – на сто тридцать пять человек всего семнадцать танков и два броневика. И именно поэтому он пока записывает меня в так называемый «безмашинный резерв» (в авиации меня в аналогичной ситуации, наверное, назвали бы «безлошадным»).

– Почему? – поинтересовался я на всякий случай.

– А потому, товарищ сержант, что два ваших танка – это, увы, не первая потеря батальона. Не успели прибыть на фронт, а машины уже теряем. Экипажи остаются без танков, а новых взять негде. Пополнение материальной части приходит нерегулярно, а в последнее время так и вообще не приходит или, как сегодня, гибнет, не добравшись до места назначения. И что самое обидное – все жертвы исключительно от бомбежек... В общем, сержант, сейчас идите к старшине Горобцу, он со своим хозяйством тут недалеко, через три двора налево. Там встанете на довольствие и получите что положено. Он же вас определит и на ночлег. А там решим, что с вами делать, сержант. Не исключено, что не сегодня завтра – в бой. Вон комбата срочно в штаб дивизии вызвали...

Разговаривать далее желания у лейтенанта явно не было. Он вручил мне предназначенную старшине Горобцу записку из одной размашистой строки с подписью на четвертушке тетрадного листа и сказал, что засим он меня более не задерживает. Я сказал «так точно», надел шлем с ватником и, забрав карабин и вещмешок, вышел из избы.

Найти указанный двор оказалось несложно – там в большом сарае с распахнутыми то ли дверями, то ли воротами стояла полевая кухня, от которой распространялись специфические ароматы. Рядом с сараем стояла крытая брезентом «полупорка» «ГАЗ-ММ». Задний борт кузова грузовика был откинут, и там были видны большие зеленые термосы с ляжками для переноски за спиной и большие кастрюли. И то и другое явно пустое.

Возле кухни без особого энтузиазма кололи дрова два бойца в шинелях – один работал топором, второй подносил ему чурбаки и складывал в штабель получившиеся поленья. Руководил бойцами толстый повар с одним треугольником в петлицах, в шапке-ушанке и нацепленном поверх ватника не вполне свежем белом фартуке.

Но всем здесь заправлял, безусловно, тот самый старшина Горобец, который, едва узрев свежее лицо, немедленно возник во дворе, появившись из дверей другого, стоявшего правее первого, сарая, за распахнутой дверью которого я успел рассмотреть какие-то разнокалиберные холщовые мешки, дощатые ящики и коробки из грубого картона.

Старшина был орел вполне стереотипного облика (именно так изображали старшин-сверхсрочников в старых советских фильмах 1950-х годов), толстый и усатый, в расстегнутой командирской шинели с «пилой» на черных петлицах и командирской же шапке-ушанке.

Я доложил о прибытии и вручил ему записку от Кадина. Старшина прочел бумажку и велел мне следовать за ним. Мы вошли в избу с высоким крыльцом.

Здесь все было скромнее, чем в штабе батальона, поскольку старшина со своей «канцелярией» явно занимал половину обычного жилого дома. Но дощатый стол, заваленный разнообразными бумагами, имелся и здесь.

Сняв и повесив на гвоздик шинель, Горобец взгромоздился на табурет и потребовал мои документы. После этого он опять довольно долго записывал меня в какую-то толстую амбарную книгу. При этом он смотрел на меня уважительно и одновременно сочувствующе, что несколько удивляло.

– Так, – сказал Горобец, закончив с писаниной, (судя по тому, что вместо «гэ» он произносил «хэ» и вплетал в речь другие подобные же «лингвистические красоты южных краев», по национальности старшина был явно хохол) и тут же поинтересовался:

– Харчи на дорогу вам накануне выдали?

– Так точно!

– Эти харчи сгвазданы?

– Никак нет! – честно ответил я. Конечно, можно было и наврать, но ведь старшина видел мой явно непустой «сидор». И, если бы он решил проверить мои слова, получилось бы некрасиво. Особенно в случае обнаружения фляги с коньяком.

– Значит, сухпайком ты, сержант, пока обеспечен?

– Да, – ответил я, отметив этот неожиданно быстрый переход с казенного «вы» на доверительное «ты».

– Цэ гарно, – сказал старшина и уточнил: – А то мы, понимаешь ли, сухпайки личному составу сейчас не выдаем, поскольку нам уже вторую неделю ни консервов, ни концентратов не поступает. С того самого момента, как здесь разместились... Ну, раз так, стало быть, с этим вопрос решили. Теперь насчет зимней одежды – ее у тебя что, нет?

– Только ватник, да и тот с убитого снял, чтобы от холода не околеть. Мой-то в танке сгорел.

– Ага, – понимающе хмыкнул старшина и, оценивающе оглядев меня с ног до головы, вышел куда-то в сени. Через пару минут он вернулся, неся новые, пахнущие складом (пылью и нафталином то есть) ватник и ватные штаны.

– Шинелей и ватных бушлатов у нас нет, даже и не проси, – сразу же уточнил он, передавая мне обновки.

– И валенок нам тоже не выдали, – добавил Горобец, пока я на его глазах снимал сапоги и торопливо облачался в новое зимнее обмундирование.

После этого Горобец забрал у меня ватник с продырявленной пулей спиной, который я давеча снял с покойника на дороге, после чего велел расписаться в ведомости за получение «комплекта утепленной одежды». Мою робкую реплику насчет зимней шапки старшина проигнорировал, категорически заявив, что у меня «шлемофон на меху, самое то для зимы», а значит, без шапки я вполне себе обойдусь. Тем более что головных уборов у него тоже явный комплект и на весь личный состав батальона не хватает.

Затем взгляд старшины упал на мой карабин.

– Твой? – спросил он.

– Не совсем, по пути на дороге подобрал, прежнему владельцу уже не надо.

– Тогда придется сдать под расписку, – сказал Горобец строго.

– Это почему?

– Потеряхин, ну не будь дураком, ты же вроде кадровую отслужил и должен знать... У тебя табельный «наган» в кобуре есть?

– Ну есть.

– Во. А у многих наших архаровцев личного оружия вообще нет. Никакого. Особенно у тех, кто после окружения и проверки. И вообще, танкисту винтовка по уставу не положена. Ну, то есть по довоенным нормам теоретически положено иметь по одной винтовке или карабину на танк, но ведь сам знаешь, какая сейчас везде обстановка и с оружием напряженка. И не только у нас...

В общем, я не стал спорить дальше и отдал карабин и патроны к нему старшине, а он, видимо, в знак благодарности выписал мне за это дополнительную пачку патронов к «нагану» – полсотни штук.

Пока старшина убирал карабин, искал револьверные патроны, а потом, как и положено мелкому бюрократу, фиксировал все эти действия на бумаге, я успел узнать от него, что батальон наш сформирован три недели назад, но до сих пор недоукомплектован. Матчасть, то есть танки, взята откуда попало, в основном с ремонтных предприятий и подмосковных военно-учебных заведений, включая Кубинский полигон. Личный состав, по словам старшины, тоже был ни то ни се. «Контингент» состоял в основном из запасных, а отслуживших срочную до войны и успевших понюхать пороху бывших окруженцев из разбитых этим летом частей едва-

едва набиралось полтора десятка человек. С комсоставом, по словам старшины, обстояло еще хуже. Командиров в батальоне было всего четверо – кроме комбата, капитана Брыкина и лейтенанта Кадина (который, оказывается, совмещал аж четыре должности – зампотыла, замполтеха, начштаба и комсорга) было еще два лейтенанта – Лавкин и Кумшаев, которые числились командирами рот. Взводами в батальоне, как оказалось, командовали старшины или старшие сержанты. Комиссара в батальон так и не прислали, не было штаба батальона как такового, отсутствовали связисты, медики, разведка и практически весь положенный по штату автотранспорт. И даже хоззвезд (видимо, Горобца это обстоятельство угнетало более всего) не был укомплектован личным составом полностью.

Пока старшина писал и рассказывал все это, я заметил рядом с ним среди прочих бумаг вчерашнюю газету «Правда» и, сцапав прессу со стола, быстро пробежал ее глазами, с огромным облегчением поняв, что все-таки никакая это не «альтернативка», а вполне себе нормальная Великая Отечественная (уже легче), где все идет по обычной схеме этого периода: «Война идет – немец под Москвой – Сталин в Кремле». Ну и то ладно. Главная проблема была в другом. Если тут время течет с той же скоростью, как и у нас, во Вторпятове, меня начнут искать, скажем, дня через три. И, естественно, не найдут (ну, или спустя изрядный промежуток времени, скажем, по осени, вполне могут найти останки какого-нибудь неопознанного трупа, который потом, задним числом, вполне могут признать моим) – и что тогда будет? Признают пропавшим без вести, а потом и погибшим? И как мне потом выпутываться из всего этого, ведь когда-то же я должен буду вернуться обратно?! И ведь я могу спокойно застрять тут на срок от нескольких месяцев до нескольких лет. Ведь родные точно с ума сойдут...

Хотя, надо признать, никакого внутреннего беспокойства я по этому поводу почему-то не ощущал. Была какая-то странная уверенность, что у тех, кто это безобразие устроил, все продумано и опасаться подобных казусов не стоит. Ну что же, будем надеяться на лучшее. Все равно выбора нет...

Между тем старшина натянул шинель и повел меня во двор, к полевой кухне. Там он велел повару, которого звал Василием, покормить меня «чем бог послал». Был уже восьмой час вечера, смеркалось, и горячий ужин они уже явно успели раздать.

Но тем не менее повар проявил душевную доброту и наложил мне больше половины котелка еще теплой, похоже, приправленной натуральным салом, пшенной каши (видимо, оставшейся от ужина), выдал краюху черного хлеба и налил в кружку жидкого, но горячего чая. Харчи, конечно, не фонтан, но есть вполне можно. Бывает, что и хуже угощают...

Пока я ел, тут же в сарае, сидя на длинной лавке, старшина, которому явно было скучно, успел рассказать, что батальон наш сейчас придан занимающей оборону на этом участке фронта 416-й стрелковой дивизии и что дивизия эта сформирована из ополченцев и имеет сходные с нашими проблемы с комплектованием, снабжением и прочим. С чего это он со мной разоткровенничался – даже не знаю, возможно, Горобец невольно видел в каждом кадровом военном с довоенным стажем родственную душу, или что-то типа того. Опять-таки ничего стратегически важного он мне не рассказал, поскольку о текущем положении на фронте был явно мало информирован. При этом, мне показалось, что в сумерках канонада в той стороне, где был фронт, только усилилась...

Я доел кашу, допил чаек, с разрешения повара Василия ополоснул котелок и кружку (при кухне был некоторый запас колодезной воды) и убрал их в вещмешок. После этого старшина повел меня на место «постоя для ночлега».

Пока мы шли, старшина еще успел дополнительно пожаловаться мне на жизнь. Рассказав, что он почти десять лет прослужил в Харьковском танковом училище (то есть, надо полагать, пришел он туда чуть ли не в момент создания данного учебного заведения), а с лета, то есть с начала войны, мотается туда-сюда словно перекасти-поле, а это в его возрасте уже не есть хорошо. Похоже, мои предположения были верны. Довоенная служба действительно вызы-

вала у Горобца массу приятных воспоминаний, а все люди «оттуда» (то есть «из до войны») – искреннюю симпатию.

Место, где ночевал «безмашинный резерв» было большой избой с еще сохранившейся вывеской «Клуб». Надо полагать, до начала войны здесь проводили собрания сельсовета да кино трудовому народу крутили. Ну-ну...

Благодаря хорошо натопленной печке там было тепло, а свободного места было вдоволь. Ну то есть как вдоволь – человек десять-двенадцать спали или просто лежали на соломенных матрасах прямо на полу либо на составленных по две-три лавках.

С точки зрения элементарной армейской логики (во время срочной службы мне успели внушить, что советский/российский солдат все время должен быть чем-то занят – копать, красить, подметать, таскать тяжести и прочее) это спанье задолго до команды «отбой» было полным безобразием, но и у старшины, и у разлегшихся в избе танкистов, судя по всему, были какие-то другие резоны и установки на этот счет. Война она, как известно, меняет и уставы, и людей...

Старшина велел мне располагаться здесь и никуда не отлучаться (удобства в виде отхожего места – во дворе). Мол, если понадобится – отцы-командиры меня найдут. Ну, это я уже накануне слышал, и неоднократно.

После этого старшина удалился. Я вежливо поздоровался с присутствующими, сказав стереотипное «всем здрасте», и представился. Однако никакой реакции не последовало, спящие продолжали спать, а бодрствующие даже не обернулись. Хотя, с точки зрения людей, которых могут неожиданно убить прямо завтра (или даже сегодня), это была правильная психология – хоть выспаться в тепле напоследок...

Спросив, где тут свободно, я получил ответ от одного из еще бодрствующих танкистов, что могу располагаться практически где угодно, там, где «не занято».

Разумеется, на составленных лавках свободных мест не было и оставалось лечь на полу.

Выбрав место на грязноватом тюфяке недалеко от печки, я снял ремень с кобурой, сапоги, разложил портянки для просушки поближе к печи, положил вещмешок и ремень под голову и лег на пол, в углу, упираясь боком в стену.

Еще не спавший сосед справа – вихрастый парняга в сильно поношенной гимнастерке с выцветшими пустыми черными петлицами рядового красноармейца не без ехидства посоветовал мне спать «с оглядкой», поскольку с ним самим во время сна уже многократно случались всякие сюрпризы. Например, засыпаешь ты вечером километрах в двадцати от фронта, а будят тебя поутру уже вражеские солдаты. И очень хорошо, если не закинутой в дверь или окно избы ручной гранатой... По его словам, немецкие мотоциклисты были большие мастера на такие «шутки».

На мой вопрос, воевал ли он и где именно, он кратко ответил, что в июле, пока их мехкорпус не «накрылся медным тазом», воевал аж дня четыре, а потом два с лишним месяца отступал на восток пешим драгом, причем в основном по ночам.

Сказав это, парняга повернулся ко мне спиной, давая понять, что к дальнейшим разговорам особо не расположен. Я накрылся ватником и сразу же вырубился. Отбоя никто не объявлял, и никто, включая начальство и паразитов в матрацах (судя по всему, клопов и прочих вшей тут все-таки не было, хотя сравнивать мне было не с чем, за всю мою обычную жизнь эти, как выражался Остап Бендер, «доисторические животные», меня ни разу не кусали – плюсы XXI века), наш сон не тревожил. Правда канонада продолжала гроыхать всю ночь, но я ее почти не слышал. Похоже, перенервничав накануне, я отрубился быстро и капитально. В ряде случаев крепкий сон – лучшее лекарство.

Разбудил меня надсадный крик с начальственными нотками:

– Крузанов! Гончаров! Потеряхин!! К комбату!! Срочно!!

Открыв глаза, я увидел, что за окнами избы заметно просветлело, а орало вовсе не начальство, а тот самый мотоциклист в кожаной куртке и танкошлеме, которого я видел вчера у штаба. Похоже, он в батальоне был за связного и к тому же сегодня поддел под гимнастерку и кожанку свитер.

Я глянул на часы. Было 7.12 утра. Раненько поднимают, хотя мы нынче на войне, ничего не поделаешь...

Судя по тому, что проснулся я вовсе не в луже посреди дороги, время не заклинило.

А значит, все шло вполне себе линейно и на дворе 20 октября 1941 года. Ладно. Таким образом последние сомнения отпали.

Я вскочил и начал лихорадочно одеваться (благо спал толком не раздевшись), видя, как то же самое делают еще два танкиста (сержант и младший сержант) тоже ночевавшие в этом бывшем сельском клубе, – эта парочка дрыхла на лавках довольно далеко от меня, и вчера я их, разумеется, не сумел толком рассмотреть. На наши сборы с некоторым интересом смотрели из-под заменявших одеяла ватников и шинелей несколько разбуженных воплями мотоциклиста бойцов, включая и моего вихрастого соседа. Но никто так ничего и не сказал.

Быстро одевшись, я взял вещмешок и вышел на крыльцо, первым из нашей троицы.

За ночь тучи слегка разогнало, и сквозь разрывы в них было видно красноватое рассветное небо, холодно-осеннее. Н-да, улучшение погоды – не самый лучший расклад при условии, что господство в воздухе прочно удерживает противник...

За ночь слегка подморозило, грязь затвердела, а лужи схватились тонкой корочкой льда. А вот канонада поутру стала вроде бы чуть слышнее. Немец наших за ночь потеснил, или что-то типа того?

Я зевнул и, подойдя к торчавшему во дворе колодезному срубу, покрутил ворот с глухо гремящей и скрипящей на утреннем морозе цепью и вытянул из колодца наверх ведро ледяной воды. Поставив ведро на край сруба, ополоснул заспанную физиономию. Бриться нам сегодня было, похоже, совсем некогда.

Наш связной уже прямо-таки пританцовывал от нетерпения (а может, и от холода – кожанка не самое лучшее одеяние при минусовой температуре) возле своей таратайки, когда на крыльце наконец появились оставшиеся двое из нашей, вызванной в штаб троицы. Увидев ведро, они подошли ко мне и тоже наскоро умылись.

– Федор, – представился один из них.

– Крузанов Петр, – сказал второй, пополоскав рот и сплюнув воду на землю.

– Потеряхин, можно Андрей, – сказал я в ответ.

Типа, познакомились...

Мотоциклист удовлетворенно взгромоздился на свой ПМЗ, после чего велел нам «нетелиться, а пулей в штаб, к комбату». Затем он с третьей попытки завел мотоцикл и уехал, завоняв двор выхлопными газами. Ну а мы пошли пешком, благо до штаба было недалеко.

Когда мы вышли на сельскую площадь, я увидел, что со вчерашнего вечера там кое-что изменилось.

У медпункта шла деловитая суета. У тамошнего крыльца стояли грузовик «ЗИС-5» с тентом и длинный сине-белый автобус «ЗИС-16» с красно-белыми крестами на бортах. Очень серьезные медсестры и пара санитаров (я заметил, что у некоторых из них белые халаты были довольно густо запачканы кровью, явно чужой) поднимали в кузов грузовика носилки с неподвижными тяжелоранеными, а в автобус через открытую переднюю дверь другие сандружинницы заводили под руки обмотанных свежими бинтами «ходячих». Раненых было человек тридцать, не меньше. Похоже, ночью в округе действительно происходили какие-то, как пелось в одной старой песне, «большие дела»...

А у штабной избы нашего батальона в этот же самый момент собрался неслабый «ареопаг».

Кроме уже знакомых мне мотоциклета и броневика «БА-20» возле штаба стояли гудящие на холостых оборотах длинный, черный «ЗИС-101» и заляпанная грязью, камуфлированная в два оттенка зеленого цвета потерявшая «эмка» со светомаскировочными чехлами на фарах.

И возле машин стояло несколько довольно больших чинов.

В центре композиции выделялся некий рослый, пузатый, краснолицый тип в белых бурках, синих галифе с лампасами, каракулевой папахе и щегольской светло-коричневой меховой бекеше, под которой просматривался воротник кителя с генерал-майорскими звездами на красных петлицах. Генерал что-то громко говорил окружающим, широко открывая рот.

Вокруг него стояли пятеро – немолодой, мордастый пехотный майор мрачного вида в мятой шинели и шапке-ушанке, какой-то чернявый и тощий горбоносый тип, похожий на еврея, в круглых очках и командирской фуражке. На петлицах его новенькой шинели я рассмотрел две шпалы, а на рукавах – красные звезды (стало быть, батальонный комиссар и, похоже, из запаса).

Также генералу внимали знакомые мне по вчерашнему дню комбат Брыкин и «много-станочник» Кадин. Оба были в практически одинаковых, щегольских шинелях, только капитан по-прежнему носил фуражку, а Кадин «шапку-финку» для комсостав РККА. Пятым был некий хорошо одетый старлей, который держался чуть в стороне от основной группы. Похоже, это был генеральский адъютант или что-то типа того.

Пехотный майор и наш капитан держали перед собой раскрытые планшеты с крупномасштабными картами и даже делали там какие-то карандашные пометки. Чернявый комиссар просто внимал начальству, слегка разинув рот, а генерал, помогая себе жестикуляцией, что-то втолковывал им всем практически на грани крика. Во всяком случае, я достаточно четко слышал слова «командующий армией», «раком» и «ноги из жопы выдерну». Похоже, товарищ генерал этим утром был не в самом лучшем расположении духа.

Мы, трое, подошли к командованию. Попросили у товарища генерала разрешения обратиться к товарищу капитану и, после того как он милостиво разрешил, отдали честь и доложили о «прибытии по вашему приказанию».

– Ждите в штабе, товарищи, – ответил нам Брыкин и махнул рукой в сторону знакомой избы. Мол, пока не до вас.

Мы отошли в сторонку и встали у крыльца, рядом с мотоциклистом, которому опять явно было холодно.

Дальнейшие генеральские ебуки нам были слышны неотчетливо, но лично я постепенно начал понимать суть возникшей проблемы. Похоже, генерал был командиром дивизии и делал выволочку командиру и комиссару одного из своих полков, а заодно и нашему комбату.

Ну а раз товарищ генерал все время ругался матом – этой ночью случилось явно что-то нехорошее.

Разговор начальства продолжался еще минут пятнадцать.

– Взять и к вечеру доложить! – внятно рыкнул генерал и пошел к машине. Семенивший впереди начальства старлей распахнул перед ним дверь, генерал взгромоздился на заднее сиденье, «ЗИС-101» развернулся и, колыхаясь на ухабах, уехал в сторону восточной окраины села.

Брыкин и пехотный майор сложили карты в планшеты и поговорили еще немного. Затем майор со своим комиссаром сели в «эмку» и тоже уехали.

После этого наш капитан на пару с лейтенантом Кадиным двинулись к избе.

– За мной, – приказал Брыкин, и мы вошли в избу. Вслед за нами вошел и мотоциклист, которому было явно некомфортно на улице – он сразу же расположился на лавке, поближе к печке.

В знакомой избе ничего не изменилось, и вчерашний бардак оставался прежним. Даже из пишмашинки торчал тот же самый лист бумаги.

– Так, – сказал Брыкин, сняв фуражку и разложив на столе вынутую из планшета карту-трехверстку:

– Слушайте, зачем я вас вызвал, товарищи младшие командиры...

Далее он кратко разъяснил текущую ситуацию. В общем, 416-я стрелковая дивизия занимает этот участок фронта вторую неделю. Наш батальон сейчас придан 1053-му стрелковому полку этой самой 416-й стрелковой дивизии, который занимает оборону вот здесь, по линии западнее деревни Верхние Грязи. А вот здесь менее чем в четырех километрах находится деревня Нижние Грязи, которая на протяжении последней недели несколько раз переходила из рук в руки.

Крайний раз 1053-й полк выбили из деревни два дня назад. Но вчера утром на усиление полка был переброшен некий «батальон курсантской бригады», который совместно с 1053-м полком атаковал противника и вчера, в середине дня, снова занял Нижние Грязи. Немцы немедленно контратаковали, бой вокруг деревни и в самих Нижних Грязях шел весь вчерашний день и всю ночь. К утру курсантский батальон, похоже, был выбит почти полностью и деревню опять заняли немцы. Действовавший совместно с курсантами 2-й батальон 1053-го стрелкового полка в панике отступил на исходные позиции к деревне Верхние Грязи.

Далее в штабе 49-й армии (а очень может быть, что и в штабе Западного фронта) узнали о сдаче деревни и вставили хороший пистон командиру 416-й стрелковой дивизии генерал-майору Прягину. Именно из-за этого он ни свет ни заря приехал в расположение 1053-го полка и приказал комполка майору Манюхину и комиссару полка Нигману – срочно отбить Нижние Грязи обратно, под страхом трибунала. Ну а поскольку у 1053-го полка нет никаких резервов, кроме нашего танкового батальона, комдив разрешил использовать во время атаки танки, но не все. Якобы на ввод в бой танков сейчас требовалось отдельное разрешения из самого штаба армии.

В общем, как сказал капитан, атаку приказано начать не позднее 12.00, то есть на подготовку комдив дал всего четыре часа. Артподготовку, конечно, обещали. Но, учитывая, что артиллерии мало, она полковая, то есть калибра не более 76-мм, и вдобавок у нее мало снарядов, надеяться на сколько-нибудь мощный шквал огня не приходится.

1053-й полк укомплектован в основном ополченцами последнего призыва, которые мало что могут и умеют. То есть вся надежда у комдива на нас и ударивший ночью морозец – вряд ли в таких условиях немцы успеют более-менее окопаться.

Для атаки он, то есть командир 44-го ОТБ капитан Брыкин, решил выделить семь танков. Всего в батальоне сейчас два броневика «БА-20» и семнадцать танков – тринадцать «Т-26» (включая два двухбашенных и один «химический», то есть огнеметный, при этом два «Т-26» неисправны), три «Т-60» и один «Т-35». Решено, что пехоту в ходе атаки на Нижние Грязи будут поддерживать семь танков – шесть «Т-26» и «Т-35».

Но есть проблема – тяжелый танк «Т-35» был хоть и исправен и укомплектован боезапасом, но не имел полноценного экипажа. Где взяли этот включенный в состав батальона танк, было непонятно даже самому капитану Брыкину. Механик-водитель, который пригнал его «на пополнение» четыре дня назад, был опытным, но из числа «временно прикомандированных» и, разумеется, потом вернулся в свою часть. При этом, по слова комбата Брыкина, не использовать самый мощный в батальоне танк в ходе предстоящего дела – тяжкий грех...

– Товарищи, – сказал комбат Брыкин, просительно глядя на нас троих со смесью надежды и неуверенности. – Задаю вам прямой и конкретный вопрос. Вот вы все, товарищи Крузанов, Гончаров и Потеряхин, – кадровые танкисты. Отслужившие срочную до войны. Поэтому спрашиваю: кто-нибудь из вас троих знает хоть что-нибудь о тяжелых танках типа «Т-35»? Воевать на нем кто-нибудь из вас сумеет?

Крузанов и Гончаров переглянулись и, пожав плечами, сказали, что они раньше видели «Т-35» разве что в кинохронике с предвоенных парадов на Красной площади.

Оно и понятно, танк-то был достаточно редкий, даже по довоенным временам. «Т-35» за семь предвоенных лет сделали аж 61 штуку плюс два прототипа, если я, конечно, все верно помню.

В принципе, я тоже мог честно посмотреть в глаза капитану и сказать что-нибудь аналогичное в стиле «ничегошеньки не знаю». Но и дальше пропердывать соломенные тюфяки в этом самом «безмашинном резерве» мне ну очень не хотелось. Жгло закономерное любопытство и даже некоторый азарт – раз уж попал на войну (пусть и против своей воли), надо воевать, ну, или хотя бы пытаться это делать, а не маяться дурью.

Опять же там, по ходу дела, может, что-нибудь да прояснится и с обстоятельствами моего попадания в этот «горький катаклизм» возможными «боевыми задачами». В общем, у меня было желание «и мир посмотреть, и себя показать»...

А на лице комбата Брыкина меж тем появилось выражение безнадеги.

– Товарищ капитан, я могу попробовать, – сказал я в итоге, здраво оценив все свои шансы и резоны в предстоящей драчке.

– В каком это смысле «попробовать»? Ты откуда этот танк знаешь?

– В учебке, перед отправкой на Дальний Восток, нас с ним немного знакомили. И я пару раз проехал на таком танке, разумеется, чисто в ознакомительных целях...

И тут я несколько не врал. На нескольких крайних сборищах реконструкторов, проходивших в подмосковной Кубинке, ездил поставленный на ход «Т-35», похоже, из экспозиции тамошнего музея. И я действительно пару раз ездил внутри него, а один раз даже смог немного посидеть за рычагами этой махины. Хотя тот танк внутри был не совсем комплектным и, разумеется, с давно не действующим вооружением...

– Ого, – сказал Брыкин, сразу как-то повеселев. – Не скажу, что ты, Потеряхин, меня сильно обнадежил, но это все-таки больше, чем ничего...

Лицо комбата заметно просветлело. А Крузанов и Гончаров при этом посмотрели на меня как на полудурка. По явному оживлению нашего дорогого капитана я понял, что, похоже, ему этот несчастный «Т-35» на фиг не сдался – ведь для укомплектованного исключительно легкими танками батальона это был явный «чемодан без ручки», который завсегда и нести тяжело, и жалко бросить. Поэтому комбату было более чем выгодно потерять этот нехстатипопавший к нему в руки танк, но желательно, конечно, с максимальной пользой. А раз так – мое самоубийственное согласие пришлось очень кстати. Чтобы это осознать, вовсе не надо иметь степень бакалавра по психологии или психоанализу – все это было прямо-таки написано на лице комбата.

– Что тебе нужно для того, чтобы танк смог немедленно идти в бой, Потеряхин? – спросил капитан.

– Танк хоть исправен?

– Да, это я могу гарантировать.

– Тогда мне нужен экипаж. Два наводчика, три заряжающих, два пулеметчика для малых башен и толковый механик, желательно из тех, кто уже ездил на средних или тяжелых машинах. Итого восемь человек, не считая меня. Ну и, естественно, полные баки и боезапас.

На когда назначена атака?

– Я же сказал – командир дивизии приказал атаковать Нижние Грязи не позднее 12.00. То есть у нас на все про все часа четыре. Непосредственно танковой атакой будет руководить командир 1-й роты лейтенант Лавкин, он уже на исходных...

– Тогда надо быстрее ознакомиться с матчастью и готовиться.

– Хорошо.

– Крузанов и Гончаров пока свободны.

Двое сержантов вздохнули с облегчением.

– Кстати, товарищ капитан, – спросил я комбата. – А карта для меня у вас найдется?

– Какая карта? Зачем тебе карта, сержант? – удивился Брыкин.

– Для облегчения ориентировки на поле боя...

– Какая там, на хрен, ориентировка, если деревня, которую надо взять прямо перед нами, в трех верстах? Можно подумать, ты ее визуально не увидишь...

– Хорошо. Тогда, может, хотя бы бинокль найдете? – попросил я, понимая, что карты мне не дадут, поскольку карта здесь, похоже, всего одна на батальон, да и та у комбата. Все как всегда...

Брыкин усмехнулся, потом сходил за брезентовую занавеску и принес мне бинокль.

– На, сержант, – сказал он. – От себя, можно сказать, отрываю, но мне для героического дела ничего не жалко...

– Спасибо, товарищ капитан! – поблагодарил я его, повесив бинокль на шею.

Пока я таким манером беседовал с комбатом, Крузанов и Гончаров испарились из избы, а потом куда-то убежал и Кадин, прихвативший с собой и мотоциклиста.

Пользуясь некоторой паузой, я сел на лавку у стола, развязал вещмешок и, пока было время, на всякий случай поменял патроны в барабане своего «нагана» (все-таки вчера он в луже купался) на новые из выданной старшиной Горобцом пачки. Потом протер «наган», убрал в кобуру. Капитан смотрел на эти мои действия с заметной иронией. Он явно не мог взять в толк, как это танкист может всерьез готовиться к ближнему бою, во время которого ему может понадобиться даже личный револьвер.

Как раз в момент, когда я закончил манипуляции с «наганом», в избу вернулся лейтенант Кадин, и события завертели в заметно убыстренном темпе.

На линию фронта меня привезли на «БА-20», видимо, за отсутствием другого транспорта. По первому впечатлению броневичок был очень тесный и не особо скоростной даже на подмерзшей грунтовой дороге. И с чего это его, интересно, в ту стародавнюю пору считали за «высокомобильное разведывательное средство»? Тем более что в этом конкретном броневике и никакой радиации не было, хотя поручневая антенна и крепление под нее с прежних времен сохранились. Хотя в те времена никакой специальной разведывательной техники в Красной Армии не было, если не считать малых плавающих танков, но это было то еще недоразумение...

Через узкие, закрытые мутноватым пулестойким стеклом смотровые щели броневичка мало что было видно – со всех сторон мелькала уже привычная сельская местность, и не более того.

Из броневичка меня высадили среди каких-то серых сараев непрезентабельного вида на юго-западной окраине тех самых Верхних Грязей. Я закинул «сидор» на плечо и вылез из машины на свежий воздух. Броневик простуженно зафырчал и уехал, мотаясь в колдобинах из стороны в сторону.

Канонада была совсем близко, и, по-моему, с этого места слышалась даже пулеметная стрельба. Сказывалось соседство с линией фронта, «передок», как он есть, в чистом и незамутненном виде...

Я поднял бинокль к глазам и посмотрел по сторонам. Наши пехотные позиции были, судя по всему, где-то впереди и с моей позиции совсем не просматривались.

Приглядевшись, я различил среди окружающих меня сараев с широкими воротами (или это все-таки были гаражи?) сеялку без колес, несколько ржавых катков от гусеничных тракторов весьма древнего образца и пару дырявых покрышек от «ЗИС-5», после чего понял, что вокруг меня, судя по всему, были постройки какой-то типичной бывшей МТС. То есть «машинно-тракторной станции. «Верхнегрязевская МТС», по-моему, звучит.

Кто не помнит МТС – это такой плод советской централизации, индустриализации, механизации, химизации и еще много чего. Сельхозтехника, сосредоточенная в подобных МТС районного подчинения, работала сразу на несколько колхозов или совхозов этого района. Якобы тем самым облегчался ремонт, упорядочивалась эксплуатация и прочее. Если кому

нужны подробности – смотрите старые фильмы вроде тех же «Трактористов» с Крючковым и Ладыниной в главных ролях. Разогнали эти МТС вроде бы уже при Хрущеве, когда очень любили реформировать все подряд и заодно решили, что лучше будет, если каждый колхоз займет свою сугубо индивидуальную технику и соответственно сам станет ее чинить. Что это кому дало – не знаю, но сельское хозяйство в СССР, как известно, загнулось даже раньше, чем сам Советский Союз. В том числе и благодаря всем этим «реформам и реформаторам».

Ну и среди построек этой МТС действительно стояло несколько танков «Т-26».

А слева, у одного особо большого сарая, чуть в стороне от легких танков, стоял и искомый «Т-35».

Я опустил бинокль и скорым шагом направился к «тридцать пятому».

Конечно, я такой танк видел и раньше, и снаружи и внутри, но все равно он поражал воображение свежего человека.

Вот, блин, отгрохали же громадину – почти десять метров в длину, три с лишним в ширину при двухметровой высоте надгусеничных полок. Интересно, откуда этот сухопутный дредноут свалился на голову нашего отдельного танкового батальона? Судя по тому что танк был не из самых последних выпусков, с цилиндрическими башнями, скорее всего, из какого-нибудь училища или с полигона.

Больше в эту пору «Т-35» взять было явно неоткуда – абсолютное большинство его однотипных близнецов-ровесников было в 34-й танковой дивизии 8-го мехкорпуса и еще в июне – июле осталось ржаветь по полям и обочинам дорог Украины, от западной границы Союза до Киева.

Что еще сказать? Красивый был танк, большой, солидный – зеленый, с красными звездами на бортовых экранах, совсем чуть-чуть заляпанный грязью. И если наперед не знать, что у этой махины только в самом носу стоит узенькая бронеплита толщиной 50 миллиметров, а все остальное – не более 20–30 мм, можно подумать, что в нем заключена прямо-таки невероятная ударная мощь.

Ну натуральный имперский бронеход. Хотя, увы, какая империя, такие у нее тогда были и бронеходы – с броней, которая запросто пробивается из 37 или 40–45-мм пушки, обычной броневой болванкой, с нормальных прицельных дистанций. Время по-настоящему мощных танков, которых, не без веских на то оснований, боялся весь окружающий мир, еще не пришло...

Пока я, стоя у надгусеничной полки «Т-35» разглядывал этот танк, ко мне наконец явился низкорослый командир с двумя кубарями на черных петлицах длинной дерматиновой (кажется, на меховой или ватной подкладке) куртки, в рукавицах и грязно-белой овчинной ушанке. Его нахмуренное лицо было слегка чумазым, а шапка и особенно рукава куртки до локтей были густо перепачканы темным машинным маслом. Рукавицы были тоже нестерильные.

При его появлении я отдал честь.

– Командир 1-й роты лейтенант Лавкин! – представился чумазый раздраженно. Во всем его облике читалось прямо-таки нескрываемое недовольство тем, что какая-то падла (то есть я) отрывает его от важных дел. При этом при ближайшем рассмотрении лейтенант оказался сопляком лет двадцати с небольшим.

– Сержант Потеряхин! – представился я в свою очередь. – Прибыл в ваше распоряжение.!

– Тебя, что ли, на этот агрегат назначили? – кивнул он на «Т-35».

– Да.

– Ну ты герой, сержант. Н-да... Сочувствую... Комбат только что сообщил, что экипаж тебе сейчас соберут.

– Каким образом сообщил? – поинтересовался я и тут же уточнил: – А, кстати, что у нас в батальоне вообще со связью?

– А ничего, – усмехнулся Лавкин. – Нет ее да и все. Ну нету у нас в батальоне раций, что поделаешь... Комбат даже телефон не протягивает, потому что его обслуживать некому, связистов и то нет...

– И как же вас в таком виде на фронт, товарищ лейтенант?

– Да нас не особо спрашивали, тем более что Гитлер к Москве рвется. В данном случае отсутствие радиостанций для нас не самое страшное – тут снарядов да людей все время не хватает, не то что раций...

Какие же они все тут понятливые, просто душа радуется. Демонстрируют прямо-таки образцовое осознание текущего момента. Хотя тогда двусмысленности было меньше, и во всем мире все всё понимали. Особенно когда это касалось большой войны. «Тогда ведь как было», – проорал Адольф Алоизович с высокой трибуны насчет «расширения жизненного пространства», и всем сразу ясно, что последует захват ряда территорий, а всех, кто на них живет, либо тупо перебьют, либо опустят до полного ничтожества. И вполне естественно, что с этим очень многие не согласились, начиная с Иосифа Виссарионыча и сэра Уинстона. Это у нас там, в следующем столетии, большая война никому на фиг не нужна, поскольку задним умом все понимают, что любая масштабная война между серьезными державами будет ядерной и никакой другой, а после этого на планете жить не сможет никто, даже тот, кого эта война напрямую и не коснулась. Сколько у нас там писали романов о том, как американцы разбивают в пух и прах Россию и Китай с их последующей оккупацией – а ведь ежику понятно, что тем же американцам и нужно-то всего-навсего сохранение существующего статус-кво и более ничего. То есть чтобы у нас, в холодной и неуютной Сибири по-прежнему добывали нефть и газ и гнали их по трубам на запад, продавая вполне материальные природные ресурсы за доллары (то есть не обеспеченную ничем, кроме идиотского «доверия», резаную бумагу зеленого цвета), а потом наши вожди те же доллары вкладывали в американскую же финансово-кредитную систему, через покупку «ценных бумаг» и прочего. И чтобы китайцы при этом продолжали производить на своей территории все необходимое (прежде всего – ширпотреб) для США в обмен на все те же самые доллары. И всех делов. Пошло, правда? Да, тут я согласен, в 1941-м все уж точно было куда проще и честнее...

– А когда сильно надо, комбат Емельку с записками посылает, – закончил свою фразу Лавкин.

– Это мотоциклиста, что ли?

– Его.

Н-да, со связью здесь, похоже, действительно был полный швах. И отсутствие связи, как показывает опыт многих сражений последнего столетия, – не такая уж и малость. Из-за этой «ерунды» было проиграно столько битв и войн, что аж оторопь берет. Ладно, что у Брыкина есть, по крайней мере, мотоциклетка с этим полоумным Емелькой. Хотя на поле боя, когда вокруг стреляют и кругом воронки, от этого «гонщика» толку все равно никакого. Однако в других-то местах небось вообще конных или пеших связных с записками посылают, галопом или стрелковым шагом...

– Понятно, товарищ лейтенант, – сказал я, напустив на себя некоторую задумчивость. – Раз все так плохо – стало быть, сигналом к атаке будут «три зеленых свистка» или что-то типа того?

– Красная ракета, – уточнил Лавкин и добавил: – Ладно, сержант, ты тут пока осмотришься. Мне некогда, надо еще машины к бою подготовить. Если будут какие-то проблемы – подходи, чем могу, помогу...

Сказав это, Лавкин удалился в сторону ближней пары танков «Т-26». При этом было понятно, что ничем он мне не поможет, кроме разве что доброго матерного слова.

Я не без труда забрался на лобовую броню «Т-35», сдвинул немного в сторону за ствол пулемета левую малую башню, откинул верхние створки люка механика-водителя и наконец

влез на жесткое сиденье мехвода. Нашел рычаги, потом стартер и начал заводить застоявшуюся на морозе машину. Немного почивав и потарахтев, авиационный «М-17» все же загудел и завелся.

Этот момент меня сильно порадовал, считай, полдела сделано. Ведь любой танк в любые времена без движения – просто мишень, это даже малые дети знают. Я оставил двигатель работать на холостых оборотах, на самом малом газу. Пусть греется пару-тройку часов. А то, если заглушить, возьмет и не заведется по закону подлости в самый нужный момент. И потянут меня тогда к особистам как саботажника и вредителя...

А экипаж все не ехал, и, раз уж такое дело, я решил облазить весь танк и, культурно выражаясь, проверить матчасть.

Я выбрался из железной конуры мехвода и вскарабкался на главную башню, на четырехметровую высоту. Обзор оттуда был куда лучше, но позиций нашей пехоты я все равно не рассмотрел. А вот объект нашей атаки, деревню Нижние Грязи, сумел различить благодаря дымам у горизонта – как видно, это были последствия недавнего ночного боя.

Открыв оба верхних люка, я забрался внутрь большой башни на место наводчика, слева от пушки. Положив вещмешок в пустую кормовую нишу, осмотрелся, покрутив маховики наводки. Вроде все было на месте, и, по крайней мере, ручные приводы поворота орудия и башни действовали.

Короткая 76,2-мм пушка «КТ-28» и прилагавшийся к ней прицел «ПТ-1» вроде были в порядке, так же как и расположенный справа от орудия пулемет «ДТ». Затем я заглянул и в остальные башни.

Там тоже был относительный порядок. Все оружие производило впечатление исправного.

А вот боезапас хоть и был, но далеко не полный. Так, для «КТ-28» в главной башне я насчитал всего 31 снаряд из положенных 96. Три из них были с какой-то странной, незнакомой мне маркировкой (то ли шрапнель, то ли картечь), а остальные – фугасные гранаты. Снарядов для «сорокапятки» в двух малых пушечных башнях было всего 58, в том числе всего десятков бронебойных, а ведь по штату их полагалось иметь аж 226.

Пулеметный боезапас составлял по пять дисков на каждый «ДТ». Исключением был пулемет в главной башне, к которому было всего три магазина. Это тоже было много меньше положенного по норме.

Ладно, будем надеяться, что с танками противника нам воевать особо не придется. Хотя фугасные выстрелы 45-мм в любом случае вещь очень слабая, куда ты ими ни стреляй...

Правда, я вообще не был уверен, что нам на этом «Т-35» придется воевать особо долго. А в этом случае мы даже этот далеко не полный боезапас расстрелять не успеем.

Общее впечатление от танка было двойственным – снаружи пятибашенник смотрелся довольно грозно, а вот внутри все выглядело как-то кустарно. Вроде бы этот танк не особо эксплуатировали, но «начинка» машины казалась довольно ветхой. Хотя «Т-35» в Харькове делали чуть ли не поштучно и наверняка в числе выпущенных танков этого типа не было и двух стопроцентно одинаковых, с взаимозаменяемыми деталями – нюансы отечественного танкостроения 1930-х годов...

Размышляя подобным образом, я услышал шум автомобильного мотора. Выглянул наружу и увидел, как из подъехавшего тентованного «ГАЗ-ММ» (по-моему, это был тот самый грузовик, который я накануне вечером видел на дворе у старшины Горобца) выбираются танкисты в характерных комбезах и ватниках. У некоторых излишне объемные комбинезоны (на пару размеров больше, чем нужно), по-моему, были натянуты прямо поверх ватников и ватных штанов. Большинство с вещмешками, у двоих были маленькие потертые чемоданчики. А вот личное оружие было не у всех, тут мне старшина Горобец все верно сказал.

Похоже, экипаж таки привезли, как я и заказывал, восемь человек. Оперативность в стиле 1941 года – и двух часов не прошло...

Грузовик развернулся и, не теряя времени, уехал.

Вид у всех прибывших танкистов был несколько напуганный, и они смотрели на меня из-под своих разнотипных ребристых шлемов более чем настороженно. Оно и понятно – отдали, понимаешь ли, под командование какого-то хрена с бугра, который в батальоне ровно сутки...

А при виде «Т-35» их испуг, по-моему, только усилился. Однако я, как и положено образцовому командиру, построил танкистов в одну шеренгу и, позаимствовав у кого-то из приехавшего личного состава бумагу и карандаш, переписал свой экипаж.

В общем, ко мне под начало попали два младших сержанта – Апатьев и Банников и шестеро красноармейцев – Бозилков, Возюкин, Люборевич, Магдазиев, Науменко и Поспелов. По именам я отчетливо запомнил только двоих – механика-водителя Банникова, которого звали Алексеем (до начала атаки я успел узнать, что он был из окруженцев и летом вроде бы успел немного поездить аж на «КВ-2»), и Науменко, которого звали Степаном – этот запомнился, поскольку был у меня в главной башне заряжающим. А Магдазиева, кажется, звали то ли Рифат, то ли Ривкат...

Я столь подробно расписал свой первый бой на этой войне только лишь потому, что этот фактически самый первый мой экипаж в том бою poleg в полном составе, и от этих молодых, чем-то похожих друг на друга парней на всей Земле не осталось практически никаких напоминаний. И даже я толком не запомнил их лиц...

Уже потом, у себя, в начале XXI века, в архиве МО РФ я нашел только пару пожелтевших листков с машинописным текстом – записи оперсводок командования Западного фронта, содержавшие упоминания о судьбе 44-го ОТБ. Так вот, там было записано, что уже 14 ноября 1941 г. батальон потерял всю свою материальную часть (оставшиеся два танка «Т-26» и два «Т-60» отправлены в ремонт) и его оставшийся личный состав в количестве 22 человек (в числе живых значился, в частности, лейтенант Кадин) был отведен в тыл на переформирование. Остальные 113 человек из состава батальона числились погибшими, ранеными или пропавшими без вести. Фамилии комбата, капитана Брыкина и старшины Горобца стояли в списке убитых (погибли 3 и 5 ноября 1941 года соответственно), а весь мой экипаж, включая меня, – пропавших без вести. Дата «пропажи» была та самая – 20 октября 1941 г.

В общем, мне осталось только помнить этих конкретных восьмерых человек из двадцати с лишним миллионов наших павших хотя бы потому, что никто, кроме меня, обстоятельств их гибели, не видел и не знает. Вот я и сделал себе эту «зарубку на память»...

Ну а в остальном я попытался объяснить прибывшему экипажу, что да как. Мои приказы и ценные указания были предельно просты.

Поскольку связь отсутствовала как факт и ее у нас не было ни с остальными танками, ни со штабом батальона, ни даже внутри танка, я велел расчету каждой башни «действовать по обстановке». То есть вести наблюдение в своем секторе обстрела и, увидев какую-то цель, бить по ней без промедления и моих команд. По особо важным целям буду стрелять я из своей 76-мм в главной башне. Опять же, приказал ориентироваться на разрывы моей пушки, поскольку опрометчиво пообещал обозначать направление огня и местонахождение тех самых «особо важных» целей. Забыл, что на дворе не 1990-е...

Мехводу я приказал не останавливаться и ни в коем случае не глушить двигатель, поскольку при наших слоновьих габаритах, если встанем – сразу вмажут из чего-нибудь и зажгут. Сказав это, я вполне понимал, что точно стрелять с ходу у нас не получится, но одновременно при тяжести и инертности «Т-35» механик-водитель, переключая передачи или маневрируя, должен был все время притормаживать. И этих вынужденных замедлений нам должно было вполне хватить на относительно точную стрельбу.

Люки я приказал не задраивать, а лучше вообще не закрывать. Объяснил, что мы очень большие и тихоходные, а бронирование у нас тем не менее противоположное. А значит, если у немцев в деревне окажутся даже самые мелкие 37-мм «дверные колотушки», они нас по-

любому метров с пятисот продырявят, как не фиг делать. Слава богу, что еще не пришло то время, когда за каждым кустом или углом мог затихариться стрелок с фаустпатроном или РПГ...

Потом я спросил у подчиненных, поели ли они? Оказалось, что перед отправкой экипаж в отличие от меня покормили завтраком, спасибо старшине Горобцу и его подчиненному, повару Василию. Поскольку времени на «боевое слаживание» и прочее у нас уже не было, я приказал экипажу занимать свои места и осваиваться, а мехводу повторил – танк не глушить, движение начинать по моей команде. До назначенной атаки оставалось часа полтора.

В общем, мои орлы полезли в многочисленные люки «тридцать пятого» и сразу же начали вращать башни, явно примериваясь. Я им в этом не мешал.

Чуть позже, перед самой атакой, у нашего «Т-35» наконец появился Лавкин. Донельзя деловитый, на сей раз без рукавиц и в танкошлеме с поднятыми на лоб, фотогеничными, но нелепыми в это время года противопылевыми очками.

– Потеряхин, ко мне! – крикнул он. – Быстро!

Я не без труда скатился с высоченной машины к нему, на грешную землю.

– И как ты на него карабкаешься? – задал он практически философический вопрос.

– А как иначе? – ответил я и добавил фразу из совсем другого времени: – Жить захочешь – не так раскорячишься...

– Да, – продолжил я тут же. – Товарищ лейтенант, возник один вопрос – мне карты не выдали, и раз так, то хоть по-простому, на пальцах, объясните, сколько немцев в деревне, что у них из оружия и какая там противотанковая оборона?

– А буй его знает...

– Ну вы, блин, стратег, товарищ лейтенант...

– А что я могу тебе ответить? У нас разведки нет, у пехоты тоже. И времени нет! А приказы не обсуждают! Комдив не дал нам ни одной лишней секунды ни на подготовку атаки, ни на разведку!

– Что сказать, молодец наш генерал-майор. Чувствую, благодаря ему все здесь и ляжем. Хоть какие-то сведения о сидящих в Нижних Грязях немцах у вас есть?

– Эта деревня много меньше Верхних Грязей. Пехотинцы говорили, что, когда отходили, насчитали у них там до батальона пехоты плюс пару-тройку легких танков и пару небольших броневиков. Хотя, может, и привирают, сам знаешь, когда драпаешь, а особенно ночью, врагов всегда кажется в разы больше, чем есть на самом деле. Ну а сейчас по северо-восточной окраине деревни у немцев вроде бы стоит несколько пулеметов, в наших бывших мелких окопах и среди домов и сараев. Ну и плюс к этому немец лупит из батальонных минометов. По крайней мере пехота докладывала так...

– Противотанковых пушек, автоматических зениток или более серьезной артиллерии пехота не видела?

– Да вроде нет...

– Хорошо, а наше мирное население в этих Нижних Грязях осталось или нет?

– Это как раз вряд ли. Там же, считай, двое суток бой шел. Если кто и есть – поди сидит по погребам да подполам. А точно этого все равно никто не знает... Еще вопросы есть?

– Никак нет.

– Вот и ладно. Сейчас выходим на исходную и там выстраиваемся в линию – твой тяжелый посередине, мои легкие на флангах. Следи за моими флажковыми командами. Я справа от тебя, на моей «двадцатшестерке» на башне белый номер «3». Сигнал к атаке – красная ракета. Перед атакой будет арт-подготовка...

– И какая наша главная задача?

– Что значит «какая»? Ворваться в деревню и обеспечить занятие населенного пункта нашей пехотой.

- А как быть, если наша пехота в деревню не войдет? Если ее, скажем, отсекут огнем?
  - Что за пессимизм? Комбат мне на этот счет никаких указаний не давал. Врываемся в деревню и ведем бой. Если продвижения пехоты не будет – стреляем, пока есть боезапас. Если и к этому времени успеха не будет – медленно откатываемся на исходные...
  - Понятно.
  - Что тебе понятно, сержант?
  - Что план нашей атаки построен на сплошных допущениях и тыканье вслепую...
  - А куда деваться? В конце концов, на то и война, чтобы менять планы по ходу дела...
- Ну я пошел, удачи тебе, сержант...
- И, придерживая на заду кобуру, побежал к своему «Т-26».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.